

Кристина АРНОТИ

ЗНОЙНАЯ ПУСТЫНЯ

серия *Eterna
L'Amour*

Eterna-l'amour

Кристина Арноти
Знойная пустыня

«Этерна»

1992

УДК 82.06
ББК 84(4Фр)

Арноти К.

Знойная пустыня / К. Арноти — «Этерна», 1992 — (Eterna-
l'amour)

ISBN 978-5-480-00267-6

Нет ничего более рискованного, чем быть честным, особенно когда ты — адвокат. В силу обстоятельств герою книги пришлось выступить свидетелем против собственного клиента, что могло повлечь за собой увольнение и включение в «черный список». Но тут старый приятель предложил ему сопровождать молодую немецкую графиню Дженнифер до Нью-Йорка... за 50 000 долларов! Сумма была для него сумасшедшей, и девушка — тоже. Зачем ей нужна такая «нянька» в 33 года? Атмосфера напряженности, тайны, тревоги и... неожиданного счастья. Лонг-Айленд, Лас Вегас, Сан-Франциско... Жизнь так хрупка, каждая минута на счету, не так ли?

УДК 82.06
ББК 84(4Фр)

ISBN 978-5-480-00267-6

© Арноти К., 1992
© Этерна, 1992

Содержание

1	6
2	15
Конец ознакомительного фрагмента.	42

Кристина Арноти Знойная пустыня

CHRISTINE ARNOTHY

DÉSERT
BRÛLANT

roman

Christine Arnothy. Désert brûlant

Ouvrage publié avec l'aide du Ministère français chargé de la Culture – Centre national du livre

Издание осуществлено с помощью Министерства культуры Франции (Национального центра книги)

Дизайн переплета – Александр Архутик

© Librairie Grasset et Fasquelle, 1992 © Е. Сергеева, перевод, 2011 © Палимпсест, 2011
© ООО «Издательство «Этерна», оформление, 2011

1

Поджидая Гарри на этой венской террасе, окутанной выхлопными газами, я удалялся в места, где мне хотелось бы жить. Я был гол в кристально чистом тропическом мире, редкие рыбки легко касались меня. Девушка, которую я подцепил возле коралловой отмели, приблизилась, когда неожиданно дружественная волна подняла и бросила ее в мои объятия. Кожа ее была с перламутровым отблеском. Мы плавали вместе, и я упивался соленой водой с ее губ. Приподнимал за шелковистые ягодицы, она обхватывала мою талию своими ногами, отдаваясь моим все более настойчивым ласкам. Я вот-вот проник бы в нее, мы бы взорвались от наслаждения.

– Месье, месье!

Мое мысленное бегство грубо остановлено.

Гарсону из кафе удалось вытащить меня из моря. Я с трудом приходил в себя.

Он торопливо спросил:

– Что будете пить?

– Кофе. Черный...

Вскоре он вернулся и сухим жестом поставил кофе на стол и теребил листок, наверное ждал, что я заплачу. Его настойчивость стесняла меня. Из упрямства я смотрел в сторону. Он отошел, я был уверен, что он меня ругал. Мне бы надо было тоже его поругать для облегчения. С того утра у меня появилась неприятная уверенность, что я ломаного гроша не стою. Вчера в суде один секретарь сказал мне, что я наивный человек, но что он находит это трогательным. Я бы предпочел, чтобы он обозвал меня дураком, это было бы не так серьезно.

Чайная ложечка выпала из блюдца. Поднимая ее, я стукнулся головой. Какой-то псих сигнализировал клаксоном. Вена превратилась, вслед за Лондоном и Парижем, в бурлящий котел. Слишком много народа, машин и денег... Настоящих, крупных, кичливых. С тех пор, как я получил дипломы, я только и делал, что ссорился с деньгами. Я объявил войну грязным деньгам. В результате драмы, пережитой в Брюсселе, я оказался здесь, в Вене, в качестве свидетеля обвинения на процессе, получившем громкую международную известность. Поскольку я был адвокатом, мое присутствие мешало юристам; тем не менее в коридорах во время частных бесед без свидетелей они меня поздравляли. «Благодаря вам, юриспруденция восстанавливает свою безукоризненность». На протяжении пяти дней мое имя не сходило со страниц ежедневных газет, но после оглашения вчерашнего приговора я оказался в изоляции, всеми отвергнутый. В то утро Гарри Болтон, адвокат из Бостона, попросил встречи со мной. Я был так удивлен, что, не сомневаясь, согласился на эту встречу. Я был заинтригован и сбит с толку. Чего хотел известный адвокат из Бостона? Что он делал в Вене? Он тоже хотел меня поздравить? Право, не с чем поздравлять... Для того, кого я отправил в тюрьму, я отныне – человек, которого следует убить. Я еще состоял в парижском кабинете адвокатов, но надолго ли – неизвестно... Я втянул своего патрона в сомнительное дело.

Вместо того чтобы заткнуться и замолчать, я стал нападать на неподлежащих критике, на тех, кто обладал властью, оккультной властью. Этот процесс в Вене изгонял меня из нормальной жизни. Я стал маргинальным поневоле. Мои требования честности и особенно требования отмщения поставили меня во главе международного черного списка.

Вчера в здании суда, когда я направился к выходу из зала заседаний, мне пришлось пройти мимо трех адвокатов защиты, тихо говоривших между собой. Один из них крикнул в мой адрес: «Все мы смертны, дорогой коллега, но некоторые – более смертны, чем другие». Об этом же мне напоминали анонимные письма. Наступит день, когда меня убьют на улице или же раздавят проезжающей машиной. А Париж? То, что меня ждало в Париже, тоже не назовешь радостным. Сообщение о повышении налогов и об увеличении пособия на питание бывшей

моей жене... Я-то думал, что после развода, взбодренный, с новыми силами во всем теле, я буду выступать как цирковой артист на жизненной арене... Наконец свободен! Какая ошибка! Я погряз в долгах, еле сводил концы с концами. А в довершение всего меняли штукатурку на скромном доме, где я жил. Квартира моя, отрезанная от внешнего света, походила на бункер. А в канун моего отъезда видеоманитоскоп сломался. В одном старом фильме Аль Пачино говорил: «Вы меня достали». Он еще не был «крестным отцом», только жертвой общества. Вроде меня.

Я взглянул на часы. Гарри Болтон скоро придет – как он меня разыскал после стольких лет молчания в моем посредственном жилище? Хочет мне выразить соболезнования? Я оставался недвижим, во власти беспокойства, опасаясь будущего... Потом почувствовал рядом сильный запах одеколona. Оглянувшись, узнал его – он мало изменился, только контур лица слегка расплылся.

– Дорогой Григори, как я рад видеть вас, – сказал он, пожимая мне руку. – Я так часто думал о вас. Судьба нас разлучила...

А во мне назревали горькие слова: «Судьба, говоришь? Ну и сволочь же ты. Ведь ты меня подвел». Я улыбался.

– Здравствуй, мистер Болтон.

– О нет! – воскликнул он... – Зовите меня Гарри, как в доброе старое время. Когда я увидел ваше фото в газетах, я испытал чувство гордости за то, что знаком с вами. Какой талант, дорогой мой! Ваше выступление стоило судебной речи. Какой размах, как открыто лицо, глаза в глаза с Сантосом... Какой спектакль!

Он меня задабривал. Этот удав нежно обвивал мне ноги. Пытался смягчить горечь невыполненных обещаний! Зачаровывал меня взглядом. Глаза его были очень светлыми, белые волосы старательно причесаны. Схватив стул, спросил:

– Вы позволите?

Манеры те еще! Нами самими назначена встреча, и он еще спрашивает разрешения сесть! Подлый предатель – так я обзывал его шутя – хотел соблазнить меня еще раз. В ту пору, когда я вкалывал, чтобы получить звание магистра, я уходил гулять с девушкой из высшего общества Бостона. Она допускала меня в свою кровать, но не в семью. Без денег, европеец, не имея даже ничтожной частицы «*de*», Григори Уолстер, будущий адвокат. Что это такое? Но она афишировала себя вместе со мной на приемах, я был довольно экзотичной фигурой – француз в Гарварде, – и она выставляла себя в моей компании перед подружками. В холле дома одного из моих друзей она представила меня Гарри. Как раз перед этим она мне шепнула на ухо некоторые сведения: Гарри распоряжался крупными капиталами, и его клиенты ссылались на него при заключении самых деликатных и самых выгодных сделок: вклады в горнодобывающие и нефтяные компании и тому подобное. Адвокат оглядел меня с явным интересом и похлопал по плечу. «Учились в Бостоне? Браво. Редко встречаем здесь французов... Стипендия? Так вы, значит, сверхталантливый. Нам надо встречаться. Я мог бы даже предусмотреть ваше сотрудничество. Вас это заинтересует? Дайте знать, я буду очень рад ввести вас в эту среду». Мы встречались с глазу на глаз неоднократно. Он уверял меня, что ему нужен молодой талант в ближайшем окружении, мы договорились о датах встреч, он обещал помочь в получении гринкарты! «Знакомства завязываются здесь, мой милый... На всю жизнь». Потом Гарри исчез. Я его разыскивал, но безрезультатно. Мои письма, адресованные ему, отправлялись, по-видимому, прямо в корзину для макулатуры. Что же он делал теперь в Вене?

Он сел и проверил складку своих брюк. Во времена немнущихся тканей этот жест вышел из моды...

– Вы, кажется, удивлены при виде меня, друг мой? – продолжал он. – Не больше, чем я. Обнаружить вас здесь... да при таких обстоятельствах! Вы смелый человек! Выведать секреты Сантоса и отправить его в тюрьму... Невероятно.

Я насторожился.

– А вы, Гарри? Вы не выполнили свои обещания...

Он смутился:

– В нашей профессии не следует торопиться. Кончают всегда тем, что находят способ оказать услугу. Верно?

Я пожал плечами. Он продолжал:

– Я проведу несколько дней у друзей, в Германии. Каждый год я приезжаю сюда в эту пору и привожу в порядок их дела, более или менее деликатные. Я заехал в Вену, чтобы увидеть Сантоса на скамье подсудимых. Меня очень радует этот спектакль... И вот увидел вас и поговорил.

Он приблизил ко мне свое лицо:

– Между нами, какая муха вас укусила, что вы выступили против Сантоса?

– С некоторых пор не выношу сволочей, – сказал я.

Он задумался.

– Таких, как он, много.

– Во всяком случае, Сантос в тюрьме, и надолго.

– Вы так думаете?

Голос его был бесстрастным. Он продолжал:

– Ваша точка зрения внушает уважение... Таких людей, как вы, надо бы побольше. Я завидую вам. Какой боевой дух! Но если бы я хоть раз вот так отнесся к клиенту, меня бы скинули в Гудзонов залив с камнем, привязанным к ногам.

Я с раздражением ответил:

– Я ни на секунду не изменял своему долгу. Я вернул документы, мне доверенные. Не выдал ни одного секрета профессии. Полностью выполнял мои обязательства и никого не посадил без документов и неопровержимых доказательств полученными мною случайно.

– Вы называете это «случайно»? Нахальство! С точки зрения адвокатской этики вам не в чем себя упрекнуть, но с точки зрения общечеловеческой то, что вы сделали, ужасно. Сантос был клиентом вашей конторы, доверившимся вам по его просьбе. И вдруг вы вонзаете ему нож в спину.

Я привстал:

– Довольно! То, что вы говорите, – ложь. И грубая к тому же. До свидания, Гарри.

– О нет! – воскликнул он. – *Please*, не будьте таким впечатлительным... Мы говорим между собой...

Сжав мою руку, он заставил меня сесть.

– Я пришел вам помочь, друг мой. У меня есть для вас предложение.

– Предложение? Какая претенциозность! Вы меня бросили в Бостоне...

– Это верно. Но я не думал, что вы воспримите мои обещания буквально. Меня перехватил важный клиент из Невады... И если в нашей профессии не проявишь немного гибкости, а особенно если быть злопамятным, можно дойти до того, что не сможешь ни с кем поговорить...

Он склонился ко мне:

– Хотите заработать пятьдесят тысяч долларов?

– Я не люблю таких шуток.

Он скрестил ноги. Обувь его сверкала, интересно, он сам чистил ботинки или жил с какой-нибудь восточной красавицей? Этот Гарри был похож на развратника.

– Это серьезно. Надо бы совершить поездку. Все расходы оплачиваются – билет на самолет, гостиница, телефонные разговоры. Отсутствие не больше недели...

Горло у меня пересохло.

– Гарри, я достиг критического уровня. У моего патрона дикое желание меня спровадить. Если потяну за веревку, все кончится.

– Вы ему надоели, его стесняете. Вот как раз я могу быть вам полезен и в этом плане. Покажу ему несколько выгодных дел, если он предоставит вам свободу... Буррель не злой.

– Вы его знаете?

Он улыбнулся.

– В этой профессии все люди, имеющие вес, знают друг друга. Контакты не постоянны, их прерывают, потом опять восстанавливают... Я уверен, что он выслушает меня с интересом. Для него только выгодно...

Мне было не по себе. Беспокойно.

– Не торопитесь. О чем речь?

– Я вам уже сказал: о пятидесяти тысячах долларов. Вы такой умный, Григори...

Я посмотрел на улицу, на автомобили, едущие бампер к бамперу.

Пятьдесят тысяч долларов! Передохнуть, ликвидировать дыры в бюджете и даже купить турпутевку в мой город-мечту Сидней. Порвать связи с Парижем и сказать патрону все, что я о нем думаю. Мечта!

– Ну так как?

– Даже среднего ума человек может заинтересоваться такой суммой.

Он хлопнул меня по спине.

– Браво!

Гарсон вновь подошел к нашему столику. Гарри заказал чай, только «китайский».

– Китайский... – повторил гарсон, – С молоком или с лимоном?

– Натуральный, – сказал Гарри.

Гарсон ушел, а он продолжал:

– Есть у меня подружка, живет она в Соединенных Штатах, француженка...

– Весь превратился в слух...

– Это она предлагает такую сумму. То есть ее друг, деловой человек.

Я сжался:

– Я не гожусь...

– Уверяю вас, годитесь.

– А почему я? Если бы вы не увидели меня на этом процессе...

– Я бы нашел кого-нибудь не такого дорогого, но и не такого надежного. Ах, сказал я себе: вот и он, чудесный Григори, мой французский друг из Бостона... Не чудесен ли он, этот парень? Рискует жизнью ради правосудия... Настоящий рыцарь. С ним можно не бояться никакого риска.

Временами он приглаживал почти женским движением свои белые волосы, проверяя, хорошо ли они лежат. Малейший вихор его бы огорчил. Мне бы такого дядюшку или крестного. С четырнадцатилетнего возраста мне объяснили, что я мужчина и должен «прямо смотреть» на жизнь и иметь учителя, «гуру», я придумывал себе друзей, которые потом оказывались лишь знакомыми. Несколько лет тому назад я решил, что благодаря Гарри я смогу обосноваться в Бостоне...

– Вы меня слушаете? – спросил Гарри.

– Внимательно слушаю.

– Кажется отсутствующим...

– Вовсе нет.

– Ну вот. Когда-то французская подружка вышла замуж за немца, графа, но брак этот оказался неудачным. При разводе отец добился того, что ему оставили обеих его дочерей. С тех пор они по очереди живут у их матери в США. Дженнифер, старшая, должна уехать со дня на день в Лонг-Айленд. Обычно она делает пересадку в Париже и проводит день у тетушки. Предположим, что она едет с вами... Вы могли бы ее сопровождать до дома ее тетушки, на следующий день заберете ее там и отвезете затем к ее матери...

Гарсон вернулся. Гарри взялся за горячую ручку чайника, обернув пальцы толстой и сильно крахмаленной салфеткой.

– И за это мне дадут... пятьдесят тысяч долларов?

– Да, – сухо ответил он.

– Опасаетесь похищения?

– Не обязательно. Неважно, все может случиться.

– Сколько ей лет?

– Девятнадцать.

Я подскочил:

– Вы смеетесь надо мной?

Гарри поднес чашку к губам.

– Нет, недавно она перенесла моральный удар, психологическую травму... И все это может иметь непредвиденные последствия. Мать ее хочет защитить от нее самой.

– Сумасшедшая? Скажите прямо...

Он отпил горячего чая и покачал головой:

– Умная, восприимчивая, но беспокойная. Времена сейчас смутные, Григори. Раз предлагают пятьдесят тысяч долларов за поездку, значит, надеются, что сопровождающий проявит некоторую гибкость... И не будет задавать слишком много вопросов.

Я не знал, что сказать.

– Я уже попался один раз, теперь воздержусь.

Он пожал плечами:

– Как хотите, вас никто не может заставить взяться за это дело.

– Почему такая сумма?

Он раздраженно сказал:

– До чего вы недоверчивы! Я добился этой суммы, потому что это вы. Я бы меньше расстраивался, оставив вас в Бостоне.

Я сделал вид, что допил свой чай.

– В чем истинная проблема? Она шизофреничка, нимфоманка?

– Сама добродетель, – сказал он, возмущившись, – Но слишком независимая. Например, она сможет изменить свое мнение и захотеть остаться в Париже. Она совершеннолетняя и располагает небольшой суммой денег, унаследованной от бабушки по отцовской линии... Ее трудно сдержать.

Я аккуратно положил ложечку на блюдце.

– А она согласится, чтобы я сопровождал?

– Встреча должна выглядеть случайной. Соблазнительный француз в возрасте, интересующем девушек, – вы можете ей понравиться. В этом случае она может быть в восторге от поездки с вами...

Подошедший гарсон хотел получить деньги. Гарри взял свой чек, а мой нет. Для человека, который предлагает пятьдесят тысяч долларов, такая жадность или, точнее, такое неумение вести себя удивляет. Он не оставил чаевых, сложил чек и положил его в бумажник. Он ждал, что за него кто-то оплатит, и если да, то кто? Я кинул на стол шиллинги, какие был должен. Гарсон ушел, обиженный этими скупыми иностранцами.

Гарри продолжал:

– Ну так как, договорились? Достаточно размышляли... Уверяю вас, дело чистое, здесь требуется некоторая дипломатичность. Вы должны выполнить обязанности телохранителя, но так, чтобы она не обнаружила этот семейный заговор до прибытия в Лонг-Айленд...

– Вы говорили о каком-то шоке?

Он поднял брови.

– Больше ничего сказать не могу. Она постепенно выздоравливает. Мать ее хотела бы, чтобы она оставалась в Лонг-Айленде по крайней мере два месяца. Время, необходимое, чтобы успокоиться.

– А под каким предлогом вы представите меня Дженнифер?

Он улыбнулся, довольный.

– Я подготовил почву. Говорил о вас с ее отцом и мачехой, то есть со второй женой графа. Я сказал, что вы – сын моего лучшего друга, и пригласил вас к ним на бал. Завтра.

– На бал?

– Граф фон Гаген – богатый аристократ, поддерживает традиции. Бал в честь двух их дочерей будет пышным.

Голос мой стал хриплым.

– Мир рушится, а они забавляются?

Гарри хлопнул меня по руке.

– Э-э, кончайте сражаться! Общество вы не измените. Богачи всегда будут командовать. Ну, что скажете? Вас это устраивает или нет? Решайтесь...

Я чувствовал опасность, но мечтал о далеких краях. Представлял себя без пиджака, опаленный солнцем на австралийских гектарах. Даже почтового ящика там нет, я бы унесся к моей бывшей жене и рассказал бы о моей жизни с кенгуру... Я обожал Австралию-картинку.

– Продолжайте, Гарри.

– Завтра вечером я представлю вас семье... И если вам удастся вызвать симпатию Дженнифер, скажите ей, между парой светских фраз, что вы едете в Париж, а потом в Нью-Йорк, где должны уладить дела.

Я наблюдал автомобилистов, готовых подраться из-за столкновения. Уехать от всего этого...

– Гарри, после этого процесса моя голова мало чего стоит. Так, может быть, я представлю девушке все эти опасности...

Он покачал головой:

– Вам сейчас нечего бояться. Сантос осторожен. Он никогда не ошибался, не считая того, что вы его обнаружили. Если бы вы допустили несчастный случай, его бы обвинили в финансировании этого случая из тюрьмы. Какое-то время вы можете спать спокойно.

– Уточняю, – добавил он, – чтобы избежать возможных недоразумений, деньги будут вам выплачены по прибытии в Лонг-Айленд.

Он беспокоился.

– Все в порядке, о'кей? Кстати, это предложение лучше. Если Дженнифер найдет вас антипатичным, проект аннулируется автоматически. Дочь богачей, сами понимаете, что это за штука...

– А сестра ее какова?

– Чудо. Картинка...

Он улыбался.

– Вы из тех, что нравятся девушкам. Волосы черные, – продолжал он, – глаза черные, чуточку миндалевидные, правильные черты лица, очки, профессия скорее романтическая... Борьба с плохими, в этом есть шик. И немножко экзотики, что исходит из Франции. Если бы мне было девятнадцать лет, как Дженнифер...

Он достал карточку из внутреннего кармана пиджака.

– Смотрите: приглашение. Костюм желателен, но не обязательно.

Я прочел название местности и адрес: «Замок тысячи капризов».

– Где это?

– В Баварии. Возьмете самолет до Мюнхена, там наймете машину – хороший автомобиль – и приедете как сказочный принц. Я буду там раньше вас.

– А если «дочке богачей» я не понравлюсь, что вы будете делать?

Он пожал плечами.

– Что вы хотите? Риск есть риск. Посмотрим. Но поездка стоит того. Замок – настоящая игрушка. Отец организывает визиты в конце недели. Он гордится своими предками, сам чистит шпаги из коллекции, сдувает пылинки с оружия...

– У него деньги водятся, у этого графа?

– Это вас расстраивает, – заметил Гарри. – Надо приспособливаться к этой среде, иначе не будет у вас никогда такой клиентуры. Эти люди осторожны и требуют к себе определенный подход. Даже у самых скупых отложены деньги на адвокатов. У графа есть мастерские готового платья в Таиланде. Понимаете, в наше время можно быть дворянином и одновременно предпринимателем.

– А той девушке сколько лет?

– Марии-Софии скоро исполнится восемнадцать.

– Между девушками разница в один год?

– Это точно, – весело сказал Гарри.

– Дженнифер, имя американское... Почему?

– Вы спросите об этом у ее мамы в Лонг-Айленде.

– Каким образом будет произведена оплата?

Он не давал мне ни минуты.

– Пять тысяч долларов сейчас, остальные – по приезде. Бывшая мадам фон Гаген даст вам сорок пять тысяч долларов в Лонг-Айленде. Ну как?

Еще одна скрипучая фраза, и он пошлет меня к черту. Так поступил бы я на его месте. Я взял карточку.

«Граф и графиня фон Гаген приглашают господина Григори Уолстер на первый бал Дженнифер и Мари-Софи фон Гаген в замок “Тысяча капризов” в Вашен-зее. Вечерний костюм обязателен, переодевание желательно. Приезд начиная с 19 часов 30 минут. Возчик возьмет ваши...» и я прочел: «кареты с грузом». Я обернулся к Гарри.

– Какая карета?

– Красивая формулировка, не так ли? Эти фон Гагены – настоящие дети. Ну как?

– Вообще-то согласен, но с некоторыми оговорками. Если Дженнифер окажется невыносимой...

– Такую сумму не получают без усилия, – сказал он, насупившись, – Ничто и никогда не бывает очень просто... И, внимание!.. Отец, вторая супруга Элизабет и сестра не знают о нашем сговоре, они – люди трудные в выборе своих связей. Но вы – человек воспитанный, я могу вас ввести в курс дела.

Я вздохнул.

– Я умею правильно держать вилку за столом и знаю, когда надо говорить «здравствуйте».

– Не будьте таким обидчивым.

Он достал из кармана плотный конверт.

– Пять тысяч. Хотите пересчитать?

– Не надо.

– Вы настоящий джентльмен, – сказал Гарри, – Я это предчувствовал еще в Бостоне. И это нравится современным девушкам... Не забудьте купить смокинг.

– А если я найду костюм неандертальца?

– Лучше д'Артаньяна. Но, откровенно говоря, вижу вас лучше в смокинге. Вы увидите декорацию...

Я должен был приспособиться. У меня постоянно были проблемы с людьми, имеющими деньги и власть, а они нюхом чуяли во мне хищника, еще не прирученного Я не прощал им

ни их преступления, ни их везения. Начиная с Брюсселя, у меня было только одно желание: содрать с них шкуру. Получат ли они когда-нибудь мою шкуру?

* * *

В шикарном магазине был только один свободный смокинг, ростом больше, чем нужен мне. Хозяин, коренной австриец, поручил меня своему портному, старательному азиату. Тот моментально устранил недостатки пиджака. Прибавил ширины на спине и, туго натянув рукой ткань, представил другой рукой узел перед воротом и спросил, этого ли я хотел. Я улыбнулся. Кроме празднеств в Бостоне и разных экзаменационных залов, я провел свою жизнь в джинсах и в куртках. По-видимому, я произошел от непритязательных обезьян: я был бы счастлив жить голым. Так что смокинг... Когда азиат обернул вокруг моей талии пояс цвета бордо из плиссированного шелка, я рассмеялся.

– И это?

– Необходимо, – сказал я. – И если бы могли сделать отвороты слегка блестящими, я бы мог...

– Но нет.

Мой цирковой костюм даже не был дорогим, а подгонка была бесплатной. Я не переставал удивляться: я буду участвовать в бале. Австрию и Германию осаждали изголодавшиеся люди, приехавшие с Востока, а фон Гагены танцевали. Каков мир!

После посещения портного я уселся на террасе Грабена и проглотил венский эскалоп. Моя материнская половина – австрийская, – дрожа от нетерпения, ждала, когда я начну пить пиво, кружку за кружкой, а моя французская половина требовала стакан божоле... Мудрость обязывает: я заказал бутылку воды, я хотел сохранить себя и иметь идеальный вкус для акул, заплывающих в пляжи Сиднея, их буфет... Поистине, Австралия меня притягивает.

После такого сытного обеда я прогулялся у собора Святого Стефана, отремонтированного и покрашенного. Мне хотелось быть человеком не опасным, как все прохожие. А у меня было ощущение, что меня разглядывают через увеличительное стекло. На меня направлены взгляды-вантузы. Может быть, это Сантос присматривает за мной из тюрьмы?

* * *

На следующий день, в полдень, я зашел за смокингом; азиат спросил, не хочу ли я его примерить. «Да нет». Удивившись, он поклонился еще раз. Через три часа я был в Мюнхене.

* * *

В аэропорту я взял напрокат единственный «мерседес», каким располагало агентство. Это стоило бешеных денег, но зато какая машина! Я оказался в отеле средней руки в центре города. В ожидании часа отъезда в замок ходил туда-сюда, потом переоделся к вечеру. Мою одежду бросил в единственный саквояж, вынул смокинг из коробки. Мне бы надо было спросить у Гарри, есть ли гостиница поблизости от замка: вместо того, чтобы всю дорогу оставаться в костюме пингвина, я бы оделся там, где проведу ночь.

Я покинул Мюнхен до шести часов, тем самым избежав пробки, и на хорошей скорости ехал по шоссе. В начале вечера прибыл в живописную деревню Винтердорф. Увидел симпатичную гостиницу в фольклорном стиле: крашеный фасад, цветы в дверях. Хозяйка, встретившая меня, была в восторге от того, что я знаю немецкий язык. Я ей сказал, что приглашен к фон Гагенам.

Проникшись доверием, хозяйка была неиссякаема. Многие друзья фон Гагенов проводят ночь в замке, а те, кто живет недалеко, вернутся домой.

– Комнаты есть, месье! Если бы они захотели, могли бы превратить замок в отличную гостиницу, было бы куда деть персонал.

Я предупредил, что уйду завтра утром рано, и заплатил заранее. Она улыбнулась и закивала головой.

– Рано? Да нет, вы проспите... Не спешите, ночь будет незабываемая. Девушки прелестны и очень милы...

Я солгал в надежде узнать кое-какие детали:

– Я знал Дженнифер, когда она была еще маленькая...

– И вы тоже очень молоды, правда?

– Действительно...

Она сгорала от любопытства.

– И вы с тех пор не видели ее?

– Нет.

– А Мари-Софи знаете?

– Еще нет.

Она заговорила доверительным тоном:

– Я ее обожаю. Вот ее обожаю. Может быть, больше, чем сестру. Кстати, раз дают такой роскошный бал, возможно, и замужество предвидится...

– Замужество? Чье?

– Мари-Софи...

– А не Дженнифер?

Она рассмеялась.

– Дженнифер, замужество? Ну, это не скоро. Хотя желающих хватает.

– Вы их часто видите?

– Чаще Дженнифер. Она заходит порой попить чайку, целует меня, но...

Она наклонилась ко мне:

– Вы им не говорите...

– Что именно?

– Я предпочитаю Мари-Софи.

– Ах так... А почему?

– Она более нежная.

Прежде чем покинуть таверну, я проверил, в кармане ли у меня приглашение. Хозяйка проводила меня до машины. Я был новым человеком в кругу вращающихся вокруг фон Гагенов. Я наклонился к опущенному стеклу:

– Как, по-вашему, которая из них красивее?

– Это зависит от вкуса, да и день на день не приходится.

Вдруг ее посетила идея новой сплетни.

– А может быть, у вас есть намерение? Вы красивый молодой человек... Нет? Да ладно секреты разводить. У них в семье еще нет французов. Ладно... Завтра расскажете.

2

Я летел за рулем «мерседеса». Темнело. Редкие облака, то серые, то со светлыми краями, временами окружали или освобождали месяц. Фары моей машины освещали дорогу, обрамленную деревьями, словно нарисованными черной тушью. Из-за непрерывной болтовни хозяйки постоянного двора я оставил мой саквояж в багажнике. Неважно, возьму по возвращении в деревню. Я ехал в мир избранных. Когда мне было двадцать лет, я надеялся, что благодаря моей будущей профессии и моим физическим данным – скорее приятным – я буду туда принят. Я хотел быть среди тех, кто приходят к друзьям на уик-энд с экипировкой для гольфа или с ракеткой... Женитьба, легкая и очевидная, с дочерью промышленника меня соблазнила. Я полагал, что люблю ее достаточно, чтобы включиться в это пари, которое социальная структура сделала почти обязательным. Я вступал в общество принятых правил и приличий. Полнейшая ошибка. Превратившись тотчас в домашнюю хозяйку, во всяком случае днем, это она ждала от меня быстрого возвышения. Проблемы были неизбежны. Я возвращался домой после дня, полного стрессов, а она, отдохнувшая и элегантная, хотела от меня безумных ночей. «Молодость бывает только раз», – говорила она. А отец ее... Вместо того чтобы вводить в курс своих дел и доверять мне интересные подробности, он мучил меня наставлениями в духе: «Увидите, что я прав. Ни протекций, ни поблажек. Когда достигают успеха без посторонней помощи, человек гордится. Этого я и вам желаю».

Каждый день тянуть ляжку, не о чем разговаривать. Они тоже поняли ошибку, развод стал делом срочным. У «молодого волка» не было ни сил, ни желания тащить эту обузу.

Меня не покидали мысли о моих неудачах, а процесс морально меня измотал; предложение Гарри было манной небесной... Мне как раз была нужна гарантия, что со мною расплатятся по возвращении.

Порой фары автомобилей, ехавших за мной, отбрасывали ослепительные отблески в зеркале заднего вида: гости съезжались по узенькой дорожке. Охваченный страхом, я остановился на обочине; хотелось обдумать все. Что делать в случае провала? Если девица, несомненно высокомерная и агрессивная, пошлет меня к черту? За мною тянулись тяжелые воспоминания. Я не в первый раз собирался войти в замок. Я думал о моей матери, когда-то работавшей медсестрой в Вене. Когда я был маленький, она не хотела оставлять меня дома одного: я сопровождал ее во всех перемещениях и во время ее работы на дому у кого-то.

Я опустил стекла и вдохнул влажный запах леса. Ночную тишь прорезали одинокие крики птиц. Потом до меня доносилась еле слышная музыка, вальс. Я вспоминал себя ребенком: прислуга приносила мне пирожные. «Только ничего не трогай. Руки у тебя чистые? Возьми салфетку, на!..» Нельзя было повредить обивку кресел, оставлять след грязных пальцев на шелке. От сильного волнения сжалось сердце. Однажды мать избавилась от меня. О, этот вальс...

* * *

Я ехал не спеша. Вскоре из ночной темноты выплыл величественный, слабо освещенный железный портал; широко открытые створки приглашали следовать по аллее, обсаженной платанами, поистине королевский проход. Посредине этой перспективы – движущаяся деталь: фонтан; из каменной чаши, которую держала бронзовая девушка, текла вода, подсвеченная золотыми и серебристыми лучами. Этот искусственный водопад ниспадал в мраморный бассейн. По краю его расположены были веселые скульптурные морды. На дальнем плане, на ночном фоне, вырисовывался замок, окруженный многочисленными башнями. Едущие за мной

машины подгоняли меня: я загоразивал проезд. Проходя мимо бронзовой девицы и ее слуг, сатиров с длинными зубами, я чувствовал запах воды. Далее следовали мраморные ступени, освещенные, как операционный стол, на них стояли извозчики, одетые в красные рединготы, встречали приглашенных.

Я выключил мотор и вышел из машины, оставив ключ ближайшему слуге. Он перевернул свою шляпу-цилиндр и протянул мне номер, дубль которого приклеил на мое ветровое стекло. Надо было подняться на шестьдесят ступеней до крыльца замка. Меня одолевал страх, как актера, снимающегося в одной из главных сцен, я глубоко вбирал воздух. Нельзя было пропустить эту первую съемку, возможно, я не буду уже иметь возможности сниматься во второй раз. Дворецкий спросил у меня пригласительный билет, я отдал его с сожалением. У меня не останется никакого осязаемого сувенира о празднествах у фон Гагенов...

Я продолжал восхождение посреди рядов лакеев. Как только останавливался, ближе всех ко мне стоящий делал жест покачивающейся ладонью: «Вперед, вперед...» Поднявшись на последнюю ступеньку, я перешагнул порог холла и увидел потолок, исписанный фресками, мраморный пол, скульптурные колонны, еще редкая толпа, на женщинах украшения, как из музея Гревена, несколько молоденьких девичьих мордочек, сгорающих от любопытства, просто пони в кринолинах... Юные гости все были в карнавальных костюмах. Я был оглушен голосом Бреля, запущенным по стереоустановке мощностью, достойной рок-концерта, меня очаровала вся эта неземная атмосфера. Меня потряс «Вальс из тысячи тактов». Девушка-привидение из Брюсселя вновь явилась, невидимая другим, она прошла возле меня, жесткие волосы цвета платины колыхались на ее спине. До конца жизни буду вспоминать. Я не знал никакого средства от чувства вины. Меня несла вперед элегантная толпа. Возле меня оказался мужчина, по-видимому с удовольствием подчеркивавший свое сходство с профессором Фрейдом, он мне улыбался. Такой же редингот, цилиндр, пенсне и даже тросточка.

Меня катил поток гостей, порой резкий аромат сшибал с ног. Поверх плеч, над лысыми головами и кудрявыми прическами, я увидел двойную открытую дверь в балльный зал.

Едва войдя, я оказался в хвосте длинной очереди гостей, и тотчас множество людей протянулось за мной. Лакей лающим голосом выкликал фамилии. Объявленные люди по очереди выстраивались перед хозяевами, приветствовали их, обмениваясь короткими фразами, потом предоставляя место следующим за ними. Я любовался членами семьи, аккуратно выстроившимися: отец, мать, две дочери и красивая женщина неопределенного возраста. Хозяева дома принимали гостей: пожать руку, склониться над ней, легко прикоснуться... Обе дочери были в белых завитых париках и в платьях с кринолинами. Проницательное лицо, ясный взгляд, талия, как у осы, – все это подходило как нельзя лучше к ритуалу приема. Глаза у одной были цвета незабудки, у другой – цвета водорослей. Я прислушался к именам: «Принц такой-то», «Графиня такая-то и сын ее Вильгельм». Здесь ни у кого не было имени Жан. Был Поган фон... Я заранее предвидел удивленные взгляды в мой адрес, когда они услышат: «Господин Грегори Уолстер». Без титула. На шее – никакой медали, на обшлагах пиджака – никаких наград. К счастью, из толпы вынырнул Гарри, кинулся ко мне и обнял меня. Это больше чем поцелуй, настоящее излияние чувств.

– Как я рад, что увидел вас здесь! Пойдемте... Я проведу вас к фон Гагенам...

Он сделал жест, выражавший извинения перед людьми, которых мы обошли.

Я попытался вставить несколько слов, хотя бы для того, чтобы показать, что я защищался:

– Добрый вечер, Гарри. Какое празднество! Красивый замок. Кстати, вопрос... Почему Брель? Да еще так настойчиво...

«Вальс из тысячи тактов», льющийся из динамиков, сжимал мне сердце. Глупое, сентиментальное животное, я, наверно, умру от какой-нибудь мелодии. От этой или от другой...

Он приподнял брови.

– Бельгийские кузены, чтобы сделать приятное им... Вы знаете, эти люди...

Он сбивал меня с толку. Служителем он был или своего рода тайным советником? Мог ли он быть одновременно и снобом, и завистником?..

Я сталкивался тут и там то с каким-нибудь туловищем, то с плечом или рукой, наступал на чью-то ногу, вдыхал чьи-то духи. «Пардон... пардон», я был, наконец, перед вождем племени, графом фон Гагеном. Седые волосы, угловатые черты лица, лазерный взгляд... Рука моя в течение нескольких секунд была в его сухой ладони. Прикосновение к ней оставляло впечатление тёрки.

Словоохотливый Гарри представлял меня:

– Дорогой друг, это Грегори Уолстер. Молодой адвокат, о котором я вам говорил, блестяще окончивший Бостонский университет. Человек будущего, достойный доверия. Вы как раз искали человека активного, изобретательного, начинающего карьеру... Вот он. Надо его удержать, пока он не встал на другой путь. Я подумал о нем в связи с вашим делом о копиях...

Гарри продавал меня этому старому крабу. А тот ответил, не раскрывая рта:

– Месье... месье...

– Уолстер.

– Каковы бы ни были планы, которые строит Гарри по поводу кометы, – сказал он, – принимаю вас с удовольствием. Другьям Гарри добро пожаловать.

Было ясно: если бы я не был другом Гарри, никогда не переступил бы я порога этого дома.

Я был вынужден успокоиться, оставив мою чувствительность на вешалке социальных проблем.

– Настойчивости Гарри не сопротивляются.

Граф фон Гаген разглядывал меня.

– Это верно, Гарри умеет убеждать, – сказал он, повернувшись к гостю, который шел за мной.

Я наклонился над мягкой рукой, усеянной кольцами, госпожи фон Гаген. Легкий толчок Гарри вернул меня к моему долгу: склониться перед графиней и ткнуться носом в кисть руки, как в подушку из мяса. Чтобы мой поклон имел хотя бы минимум вежливости, я должен был слегка отступить одной ногой. Я вдохнул запах музыки.

– Добрый вечер, мэтр Уолстер, – сказала любезная дама. – Надеюсь, вы проведете здесь приятный вечер.

Слово «мэтр» меня удивило. Эти люди, вращающиеся в их золотом аквариуме, присвоили мне титул?

– Я убежден в этом, мадам.

– Дженнифер фон Гаген, – продолжал Гарри.

Прохладная рука. Я пожал ее, потом встретился взглядом. Мгновенное удовольствие. Затем – Мари-Софи, хрупкая девушка, словно вышедшая из записной книжки Мопассана. Огромные голубые глаза, где небо и облака вступают в конфликт. Эта мадонна также оценивала меня.

– Валерия Фонтэн, француженка-гувернантка дочерей. Почти член семьи, – сказал Гарри.

Слово «почти» сделало жестким взгляд Валерии. Ей было, наверное, лет сорок. Фарфоровый цвет лица, полные губы, ярко-красный цвет, ни одной морщинки, решительный вид. Ярко-красный неоновый цвет в ночи. Она улыбалась, в какую-то секунду я надеялся на возможное сообщничество, но она уже повернулась к следующему гостю. Весь этот прекрасный мир, этот nice people, казался не готовым взорваться. Испытав невольно электрический ток, исходивший от них, я, как мне казалось, сидел в машине, попавшей в засаду. Что надо было: включить контактный ключ или выйти из машины? Мне хотелось бы еще раз взглянуть на девушку, оцененную в пятьдесят тысяч долларов, но Гарри тянул меня за руку: надо было уступить место следующим.

– Князь Виртеншафт с принцессой... Баронесса Мишунген и дочь ее Амелия.

На месте лакея, даже если бы меня за это тут же уволили, я бы объявил: «Аль Капоне и мадам», «Доктор Ландрю и мадам!..» Я обожал шутки в этом роде, но мои глупые каламбуры произвели бы здесь лишь эффект подмоченных петард. Я был гостем на один вечер и имел поручение при условии, что понравлюсь девушке с полароидным взором. Разглагольствования Гарри меня даже не задевали. Эти люди не нуждались в адвокате, тем более в таком, чей единственный успех заключался в том, что он отправил в тюрьму первого же важного клиента. Какое я имел право их подозревать и в чем? Если бы я не вырос в бедности, я бы меньше испытывал ненависти к деньгам. Ох уж эти кольца на старых руках в веснушках... У моей матери никогда не было красивого кольца. Только дешевенькое обручальное кольцо, которое она сохранила даже после развода. Ее аромат? Запах дезинфекции. Красивая и достойная, она могла бы быть любой из этих баронесс... Но ей пришлось их обслуживать.

– Грегори, вы мечтаете?

Гарри повел меня к буфетам. Великолепная закуска на серебряных подносах украшала столы, накрытые белыми скатертями, спускающимися до самого пола, напоминали картины художников-абстракционистов. За нагромождением этих дорогих кушаний стояли лакеи в костюмах эпохи Франца Иосифа... Я мельком увидел свое отражение в зеркале, стоящем между двумя деревянными скульптурами, изображающими ангелов. Я предстал на первом плане бального зала в моем черно-белом одеянии, более чем кто-либо напоминая пингвина. Вздрогнуть меня заставила моя обувь! Я совсем забыл об обуви. К счастью, ботинки были черные, хотя и старые, но начищенные, но дешевого фасона, то есть недостойные того пола, по которому ступали.

Гарри задержался по дороге разговором с дамой, играющей веером и рассказывающей что-то между короткими обрывками смеха, потом он освободился и вернулся ко мне:

– Милый друг, не скромничайте и дайте волю вашему аппетиту.

– Спасибо, я не проголодался, не из Нигерии приехал.

– Ваш юмор не изменился, – сказал он с грустью – Помню, как однажды в Бостоне...

Он осмеливался говорить о Бостоне, а ведь там он меня так предательски бросил! Мне был противен его оппортунизм.

– Не стоит вспоминать о Бостоне...

– Но вы действительно злопамятны! – воскликнул он, – Не пора ли уже забыть?

Он наклонился ко мне:

– Ну как... Что думаете о нашей Дженнифер?

– У нее не вампировские клыки, но, может быть, копыта... под юбкой...

Он был раздражен:

– Вы находите, что ваши каламбуры остроумны? Почему насмехаетесь над ними?

– Вы мне надоели, дорогой Гарри.

– Вот так, – сказал он, огорченный. – Вот и из-за этого я не стал вас представлять некоторым знакомым в Бостоне... Ваши антикапиталистические заявления мешают, хуже того, они вышли из моды.

– Если бы вы сдержали слово, я, быть может, был бы менее строг.

Он согласился и нетерпеливо сказал:

– Согласен, согласен. Все по моей вине. Но теперь от вас все зависит. – Он похлопывал меня по предплечью. – Скажите мне о Дженнифер, но только серьезно... Какое впечатление?

– Никакого.

Не спросив моего мнения, Гарри заказал два бокала шампанского. Итак, я был пентюх, который должен любить шампанское и пользоваться случаем, чтобы выпить его? Я вмешался:

– А мне томатный сок. Пожалуйста...

Официант обратился к метрдотелю, а тот пожал плечами. Множество хрустальных графинов стояли с фруктовыми соками, но не с томатным. Еще не наступил час томатного сока в «замке Тысячи Капризов». Гарри только что съел два канапе со спаржей. На верхней губе у него еще видна была жирная крошка.

Я показал на остатки, он вытер губы обратной стороной ладони.

Я повернулся к нему.

– Вообще-то...

– Что «вообще-то»? Соглашаетесь или нет?

Второй метрдотель поставил перед нами поднос с бутербродами с икрой.

Гарри воскликнул:

– А они умеют угощать! О, какой жемчужно-серый цвет... крупнозернистая икра. Берите... На другом подносе – прессованная...

Из гордости я проигнорировал. Я еще мог позволить себе полкило белуги, а когда получу пятьдесят тысяч долларов – килограмм. До отвращения.

– Как девушка?

– Если бы вы могли хотя бы назвать ее имя...

– Да ваша Дженнифер...

– Вы познакомитесь с ней и увидите – она восхитительна.

– Странное семейство...

– Странное? Почему? Все странно. Семейство рабочих имело бы те же недостатки и достоинства, что и они. Какой бы общественный слой вы ни взяли, люди мечтают о деньгах, о власти, о сексе. Итак, ваши заявления...

Он облизал свои пальцы. Я взял бумажную салфетку из пачки и дал ее ему. В это время гарсон принес и протянул мне стакан томатного сока.

Гарри продолжал:

– Отчасти я живу ими. Я люблю тех, кем занимаюсь, я заменяю семью. Я горячо отстаиваю их интересы, но могу попросить крупные суммы. Я так и делаю, деньги мне нужны. Я небогат по происхождению.

– Иначе вы работали бы задаром?

– Нет, – сказал он, – но был бы независим от материальных вопросов... В вашем возрасте я был очень честолюбив, не был неумехой, как вы, в части очарования.

– Неумехой в части очарования?

– Нахожу это определение красивым. Вам еще надо созреть. В вашей профессии нет возрастного предела. Когда чувствуешь, что утратил гибкость, меняешь регистр. С некоторых пор я много занимаюсь одним американским другом и семьей фон Гагенов. Можете спрашивать все, о чем угодно.

– Все?

– Все. А по ходу я беру проценты. Если они получают деньги, я тоже получаю. Справедливо, не так ли? Я люблю их.

– Остановитесь, а то я разрыдаюсь!

Он покачал головой:

– Не сердитесь... Вот увидите, придет день, когда вы будете признательны за то, что были здесь сегодня вечером. Когда вкусите радость от процентов, скажете мне спасибо...

– Так делают в Америке.

– А кто сказал, что вы не будете там работать?

Оркестр начал играть «На прекрасном голубом Дунае». Гарри отбивал такт, качая головой.

– Когда я был молод, я танцевал вальс. Есть в вальсе нечто такое...

– Избитое, тошнотворное.

– Не поносите ретро, – сказал Гарри, – Уверю вас, есть люди, даже молодые люди, которые любят вальс. Посмотрите вон туда, человек в костюме Робин Гуда... Направо, дальше, вон там... Видите?

Я увидел Робин Гуда.

– Его родители владеют заводом, выпускающим оптические приборы. Ему, наверно, лет двадцать шесть, и он любит вальс. Мари-Софи выходит с ним. Ей будет трудно пристроиться...

– Но почему? Такая красивая...

Гарри говорил шепотом:

– Друг ее матери – настоящий царек, наполовину грек, наполовину латиноамериканец. Он обожает эту девочку и делает ей великолепные подарки. Там Мари-Софи чувствует себя звездой...

Мне стало жарко. Я отыскал стеклянные двери-окна, выходящие на террасу.

– Вы слушаете меня, Грегори? – спросил Гарри, обиженный.

– Робин Гуд спит с Мари-Софи?

Гарри зажал себе нос.

– О таких вещах так не говорят... тут не говорят. Мари-Софи, как она говорила, хотела бы иметь мужа и семью на старинный манер. И это возбуждает друга ее матери.

– А ему сколько лет?

– Шестьдесят.

– Ого! Эта малышка уже чересчур...

Гарри поднял вверх руки:

– Ей восемнадцать лет. Я не говорил, что у нее что-то было... Альварес питает к ней отцовские чувства...

Томатный сок обжигающе подействовал на мой желудок, мой пищевод пылала. Чтобы погасить огонь, я съел бутерброд с белугой.

– Если я провожаю старшую...

– Дженнифер.

– Вот именно. Я хочу иметь письменную гарантию, подтверждающую, что сорок пять тысяч долларов будут выплачены мне тотчас по прибытии в Лонг-Айленд.

– Грегори, вы меня огорчаете. Несмотря на ваше разочарование Бостоном, вы должны бы иметь немного побольше доверия ко мне.

– Предположим, что мамаша переменит мнение...

– Никакого риска. Она слышала разговоры о ваших подвигах в суде и хочет с вами познакомиться... Она очень интуитивна... У нее здравый смысл...

– Почему она ушла от графа?

– Дело в постельных историях и в крупных деньгах, – сказал Гарри. Он потер пальцы, как делают ростовщики. – Она обошлась фон Гагену в целое состояние. А он был скомпрометирован связью с гувернанткой. Чтобы получить права на своих дочек, которым было тогда семь и восемь лет, фон Гаген заплатил более миллиона долларов и предоставил матери неограниченное право на посещение. Но она плохо распорядилась своими деньгами. Она не послушала меня.

– А гувернантка? Она по-прежнему здесь? Вторая жена принимает ее?

– Элизабет закрывает глаза. Граф привязан к Валерии.

– Старик может еще спать с двумя? С законной женой и с вашей Валерией?..

Гарри поблел.

– Прошу вас сдерживаться в выражениях. Вы задаете слишком много вопросов... Все это вас не касается.

– Хотелось бы только понять. Мне предлагают пятьдесят тысяч долларов, чтобы сопровождать девочку, и не оплачивают бывшую любовницу, чтобы избавить графа от нее?

– Никто не доказал, что он хочет, как вы вульгарно выразились, отделаться от нее. И операция будет стоить гораздо больше, чем пятьдесят тысяч долларов, – ответил Гарри враждебным тоном. – Между нами будь сказано, мать Дженнифер поступила легкомысленно, но она только что встретила Альвареса и полагала, что делает разумный выбор.

Я посмотрел вокруг себя:

– Ну, а здесь откуда берутся деньги?

– С Дальнего Востока... это ловкие люди, и у них, кроме хорошей наследственности, есть деловой ум. И я им помогаю...

Гарри взял со стола поднос и протянул его мне:

– Утощайтесь.

Метрдотели бросили на нас неодобрительный взгляд.

Гарри положил на место довольно увесистый поднос.

– Дорогой Грегори, обещаю вам, что после вашей поездки я введу вас в святая святых дел. Быть одним из адвокатов этих людей – настоящая удача.

– Вы не оставляете за собою исключительное право?

– Мне помогают, – сказал он, – я нахожусь в переписке, иначе я бы уже умер от инфаркта. Несмотря на любовь к труду, я оставляю для себя некоторые удовольствия для старческих дней. Есть у меня квартира в Сан-Франциско и к северу от города, по другую сторону от моста, имение, немного защищенное от землетрясений. Есть у меня также интересы в Лас-Вегасе, люблю этот уголок... Приезжаю в Европу, только когда позовет фон Гаген. Я дам вам все мои номера телефонов и адреса... Приглашаю вас. Приходится мне также бывать в пустыне, у одного из клиентов.

– В какой пустыне?

– В Неваде. Я знаю местечко, где нет ни военных, ни подземных взрывов, только озеро.

– В пустыне?

– Ну да... Для знатоков. Если приедете туда, увидите.

Я знал такого рода приглашения. Ветер. Я пожал плечами. Робин Гуд держал в объятиях Мари-Софи, француженка-гувернантка танцевала вальс с Генрихом VIII.

– Она исчезла.

– Кто? – спросил Гарри, вытирая руки.

Он слопал половину всех бутербродов с икрой.

Те, кто не танцевал – категория «красная карта», – с осторожностью подходили к буфету, потом некоторые отворачивались и хватали отрешенно, вслепую бутерброды.

– Пакет в пятьдесят тысяч долларов...

Он вскричал:

– Мне надоели ваши неприятные замечания! Или вы соглашаетесь, или нет. Если предложение вас так раздражает, отойдите. Незаменимых нет...

Я сделал задний ход:

– Я согласился на «делку», но вы не превратите меня в половичок... Кажется, я увидел его. Человек, переодетый под Фрейда, танцует с Дженнифер, не так ли? Это действительно Дженнифер?

Гарри искал взглядом.

– Да. А он – известный врач из Мюнхена... Знаменитый гинеколог, он дал жизнь большинству молодых людей, здесь присутствующих.

– Должно быть, это вызывает странное ощущение – танцевать с девушкой, которой вы перерезали пуповину...

– Не более странное, чем быть ее адвокатом со дня ее рождения. Вы танцуете немного вальс, Грегори?

– Рок. Или медленный фокстрот с девушкой, присоединившейся ко мне.

Он потирал руки.

– Наверное, оркестр скоро заиграет медленный танец.

Волна музыки направила парочку в направлении ко мне. Дженнифер подняла глаза и дала мне понять, что я существую для нее. Сигналы. Она скучает? Я улыбнулся ей. Благодаря такому сообществу между нами возникла зона взаимного притяжения. Дженнифер была соблазнительна, Мари-Софи тоже. Что меня возбуждало, так их винтажные костюмы или их богатство? Понравиться одной из этих девушек было бы реваншем за мать, которая прислуживала в доме. «Мальчик, сиди спокойно, твоя мама работает. Ничего не трогай». Мои руки тянулись к этим девушкам.

Я повернулся к Гарри:

– Какого цвета волосы?

– Чьи волосы?

– У Дженнифер.

Гарри озадачен.

– Какого цвета?

Дженнифер деликатно вела своего кавалера; поворачиваясь, они приближались к нам.

– Шатеновые, по-моему.

Вальс кончился, музыканты сложили инструменты и вытирали лбы. Гарсон поднялся на эстраду с подносом, уставленным стаканами с фруктовым соком.

– Им жарко.

Гарри поднял руки:

– Ты заработаешь на жизнь в поте лица твоего.

Я уже не видел Дженнифер. Мари-Софи и Робин Гуд приближались к буфету.

Дирижер оркестра опустошил стакан, вернулся к микрофону, его неровное дыхание стало слышно на весь зал. Он почесал голову через парик; переодетый в костюм Моцарта, он явно страдал от этого; его кривые икры, затянутые в белые чулки, придавали ему хрупкий вид. Он прочистил горло, взял микрофон и начал песню Роя Орбисона. Тотчас и Сиси, и другие графини вернулись на танцплощадку и стали млеть в объятиях кавалеров. Дженнифер вновь появилась со своим семидесятилетним кавалером.

Гарри затопал ногами.

– Давайте, идите, момент подходящий. Обнимите девушку. Осторожна, она не дурочка. Разбирайтесь сами, иначе никаких денег.

Я открыл для себя вульгарность Гарри. Он спешил, беспокоился, весь лоск слетел. Я направился к Дженнифер, она повернулась спиной ко мне, к ней приблизился молодой человек элегантной наружности.

– Чего вы ждете? – взмолился Гарри.

Он предвосхитил меня и взял Дженнифер за руку:

– Можно вас побеспокоить, дорогуша? Наш французский друг хотел бы потанцевать с вами...

Дженнифер повернулась ко мне. Молодой человек вежливо отстранился, гинеколог отвесил поклон.

– До скорой встречи, Дженни.

Он удалился.

– *Schätzchen* — сказал Гарри, – вот и он... Грегори Уолстер.

Дженнифер улыбнулась.

– Очень рада поближе познакомиться... Вам нравится наш цирк?

– Он развлекает.

Дженнифер прикоснулась к обшлагу пиджака Гарри:

– Гарри всегда такой вежливый, внимательный... Я обожаю вас, Гарри.

Адвокат покраснел.

Дженнифер отличалась от своей сестры. Мари-Софи придерживалась стиля «мать ваших детей», «та, что молится за вас», «та, которая не обзывает вас ни дураком, ни сволочью». А если это она и есть, мой женский фантазм?

Рой Орбисон произвел свой обычный эффект, Дженнифер расположилась в моих объятиях. Я всегда рассматривал медленный танец как совокупление стоя.

– Вы меня забыли? – спросила Дженнифер.

– Нет.

– Зачем обманывать?

Под шелковым платьем тело ее пылало, наша кожа пробудилась, волны ее дорогих духов и пота пьянили меня. Ее дыхание меня ласкало, в нем не чувствовалось ни капли никотина, только ее свежесть. Мы танцевали. Если можно было назвать танцем это волшебное слияние... Но в такие моменты все было бы так же с любой девушкой... Я становился мужчиной-животным, а она самкой. Наши желания совпадали. Это было все, это было очень много.

– Сколько времени вы пробудете?

Голос был нежен. Я переводил для себя закодированный язык: «Будем ли мы иметь возможность вновь увидеться?» На нас лилась медоточивая музыка *So beautiful* Орбисона.

– Я уезжаю...

– Куда?

– В Париж.

Тело ее стало тяжелым, и она отдавалась.

– Я тоже уезжаю в Париж.

– Когда?

– Послезавтра. Делаю пересадку, затем продолжаю поездку до Нью-Йорка. Моя мама живет в Америке.

Я говорил какие-то банальности. Она меня спросила:

– В котором часу вы выезжаете из Мюнхена?

– В 13 часов.

– И у меня занято место в этом же рейсе... Можно было бы...

– Что?

– Не знаю. Возможно, вы с кем-то...

– Я один.

– Поедемте вместе.

Кто был голубем, она или я? Почти неподвижные на танцплощадке, мы испытывали острый приступ желания.

– Я мог бы проводить вас в аэропорт.

– Было бы хорошо. По дороге поболтаем, познакомимся.

Я ее поджидал. Призыв был ясен. Она искала мой взгляд.

– Вы адвокат?

– Да. Я знал адвоката вашей семьи, Гарри Болтона, в Бостоне.

Ее тело пылало.

– Я знаю. Он много говорил о вас.

– Меня это удивляет... Но тем лучше.

– Мистер Уолстер, связаны ли вы профессиональным секретом?

– Это – составная часть моей профессии...

– Где бы с вами не разговаривали?

– Даже на подушке.

– Одним словом, – продолжала она, – я могу быть откровенной. Обычно я лгу. Я постоянно лгу. Для обороны.

– Не вижу причин вашего беспокойства, Дженнифер. Что вы хотите мне сообщить?

– Даже во сне вы не говорите?

– Проверьте.

Это был прямой призыв. Она прижалась ко мне, мы не шевелились.

– Первый секрет, – сказала она. – Вы удивитесь, но это – часть целого... Прикосновение вашей руки взволновало меня с головы до ног.

– Вы полагаете...

Почему она хотела посмеяться надо мной?

– Я испытала в ваших объятиях безумное желание, – прошептала она.

– Ваше желание должно было быть действительно безумным. Вы приятно шутите...

– Нет, – сказала она, – это серьезно.

Голос Роя Орбисона обволакивал нас ватой. Дженнифер подняла голову, щека ее, влажная от пота, коснулась моей. В моих объятиях была женщина, воплощающая сладострастие.

Так и есть, все становилось ясным! Дженнифер, нешуточный экстраверт или, быть может, нимфоманка, не должна путешествовать одна. Она может броситься в объятия первому попавшемуся. Этот негодяй Гарри задумал гнусный план. После скандала в Вене быть обвиненным в том, что я заставил девушку из высшего общества переспать со мной... Австралия была все ближе и ближе.

– Возьмите себя в руки, иначе я немедленно вас покину.

– Я все вам объясню, – сказала она. – Не выйти ли нам на террасу передохнуть немного?

Мне тоже нужен был воздух. Подарок оказался отравленным. Гарри еще раз принял меня за дурака. Она увидит, эта возбужденная самка, как быстро я отделаюсь от нее. В такт музыке мы продвигались среди танцующих, расступавшихся перед нами, по направлению к стеклянной двери. Мы пересекали территории, занятые переодетыми людьми: тут и там видели то улыбку, то упрямый взгляд, слышали болтовню то по-немецки, то по-английски. Поток слов. Я чувствовал западню! Чего хотели, по правде говоря? Наблюдатель, телохранитель, случайный сопровождающий, любовник, посланный к этой девушке, чтобы ее соблазнить? Я даже предположил, что она была беременна и что меня хотят выдать за отца, убегающего от нее.

С террасы открывался вид на пейзаж, озаренный серебристою луной. На секунду я оперся на каменную балюстраду – мне хотелось подумать, – и я увидел вход. Вереница лакеев исчезла со ступеней, а внизу, справа, возле стоянки... два шофера вполголоса разговаривали на незнакомом языке.

– Это югославы, – сказала Дженнифер, – Мистер Уолстер, не надо бояться меня. Я была откровенна, и в этом неправа. Я слишком торопливо поступила. Надо играть комедию, если хочешь, чтобы тебя уважали.

– Несомненно, мадемуазель фон Гаген. Я очень рад, что познакомился с вами, но теперь должен уйти. Вы опасный человек... И для меня, и для вас. По нынешним временам надо быть осторожнее.

– Я была слишком прямолинейна, – повторила она. – Я вас отпугнула, извините меня.

– Вы побуждаете меня уйти.

Она была в нерешительности.

– Я была неправа, я думала, что вы менее недоверчивы. Вообще-то мужчины верят всему, что им рассказывают. Вы говорите Франкенштейну, что он красив, он и тает.

Она выглядела разумной, спокойной.

– Это не про меня, Дженнифер.

– Вы меня смутили, – сказала она. – Вот уже сорок восемь часов я думаю только о вас. Вы признаете это: Гарри привез меня позавчера, в последний день процесса в Вене. Я слушала вас, очарованная и взволнованная.

Тут мне как будто по голове ударили.

– Вы приехали на процесс? В Вену? Но зачем?

Она выдержала мой взгляд.

– Это идея Гарри. Мне понравилось, как вы выражаетесь, без переводчика, понравилась ваша деликатность. Гарри мне сказал, что ваша мать была австрийкой. Слушая вас, я испытала впечатление, что вновь вижу человека, которым я восхищаюсь. Вы говорили о молодой женщине из Брюсселя с такой чистотой и уважением...

Я все больше и больше поражался.

– Но какая причина заставила вас приехать на этот процесс?

Гарри организовал экскурсию. Как раз чтобы присутствовать на казни этого Сантоса, то есть на его осуждении.

Я наблюдал за ней. В редких просветах лунной ночи она выглядела взрослой. Я настаивал:

– Не вижу, какой это может представлять интерес для вас.

– Гарри приводил ваш пример. Молодой адвокат, борющийся в одиночку с верзилкой, обладателем денег и власти... «Он выступает против дракона». Он хотел доказать мне, что есть еще люди справедливые и мужественные, вроде вас. Я переживаю трудное время, во всем сомневаюсь, мне нужен был идеал – познать безупречного человека.

– И вы поверили в небылицы Гарри?

– Небылицы? Не знаю. В моих глазах вы – герой.

Она что, смеялась надо мной? Я не был уверен.

– Ваши комплименты тяготят, Дженнифер. Вы что, знали, что я приду?

– Я очень надеялась... Вы могли бы захотеть вернуться прямо в Париж.

Она склонилась ко мне.

– А девушка в Брюсселе... Вы очень ее любили?

– Не хочу об этом говорить.

– Можно влюбиться за секунду, – сказала она, приблизившись ко мне.

То здесь, то там порывы ветра, аромат деревьев, нас окутывала, как компресс, ночная влажность.

– Я не сумасшедшая и не свихнувшаяся, но после недавнего шока у меня уже нет прежних оснований для суждения. Поверьте, еще несколько недель тому назад я никогда не сказала бы кому-нибудь: «Хотите поцеловать меня?» Сегодня вечером все иначе. Я изменилась, и вы мне очень-очень нравитесь.

Сопrotивляться девушке, так мирно предлагающей себя? Не надо требовать от мужчины невозможного.

Она скользнула в мои объятия, и мы буквально замерли в поцелуе. Языки наши толкались и ласкались, ликование. Потом я попробовал ее шею, уши, лоб, покрывшийся соленым потом, опять губы; она напоминала вкус тропического моря. Говорят, те, кто тонет, вновь видят свою жизнь. Утопая в этом поцелуе, я стал от желания слеп, глух и слаб.

– Там, – сказала она, освобождаясь.

Она указала на темный угол террасы.

– Там есть зал.

Я остановил ее.

– Вы не в нормальном состоянии.

– В нормальном! Но не в привычном. Мистер Уолтер, вы здоровы телом, а не только духом?

– Мне неизвестны пока никакие болезни.

– Кроме печали, которую вы носите здесь...

Она коснулась указательным пальцем места, где бьется сердце.

В рассеянном лунном свете глаза ее блестели, приоткрытый рот искал мои губы. Она сняла свой белый парик, освободила богатую шевелюру. Губы ее коснулись моих.

– Пойдемте? – спросила она.

Я впитал в себя запах ее влажных волос.

– Вам нечего бояться, – сказала она. – У меня было два любовника, утилитарных, чтобы узнать, что такое физическая любовь. С чисто практической целью.

Я оценил абсурдность.

– А я? Вы хотите усовершенствовать ваши опыты?

– Если находите меня отталкивающей, мистер Уолстер, уходите. Если же нет, проводите меня хотя бы до салона. Там есть зеркало, я хочу вновь одеть парик, прежде чем вернуться в бальный зал.

Она протянула мне руку, и я пошел за ней, переходя из одного лунного луча в другой. В зависимости от освещения профиль ее подчеркивался то черной краской, то серебром.

На пороге салона я увидел отблески зеркала, что стояло над мраморным камином. Портреты предков, взгляд женских глаз из-за веера. Затем, с уверенными движениями человека, знающего дом, Дженнифер прошла от одной остекленной двери к другой, закрыла их, задернула двойные занавеси и, вернувшись ко мне в наступившей темноте, прильнула в мои объятия. Меня окружили облака шелка, волос и аромата. Я на ощупь двинулся к двери, которую я увидел при входе и которая, по-видимому, выходила в коридор. Дженнифер меня обогнала, повернула ключ и вынула его из двери.

– Дженнифер!

Я ощупывал темноту. Меня опьяняли волны ароматов и шорох тканей. Она прикасалась ко мне, целовала мои глаза, отодвигалась. Эта игра продолжалась по всем правилам. Я хотел ее обхватить, она ускользала, обходила меня, потом сняла галстук-бабочку и опустила руки и сомкнула их на моей талии.

Негромкий голос Орбисона: «*Any thing you want, you got it*». Дженни коснулась меня. «*Any thing you need, you got it*».

Я ударился ногой о кресло. Разозлившись, схватил его, поднял и швырнул туда, где, как я думал, была черная пустота. Негромкий стук, бархатный бух! Я повернулся, стал искать, наткнулся на закрытую дверь.

– Ключ, Дженнифер. Дайте мне ключ.

– Нет.

Она взяла мои руки и провела ими вдоль своего тела до грудей, потом замкнула их вокруг шеи.

– Дженнифер...

Она провела мои руки вдоль своего тела, к бедрам.

– Я хотел бы остаться честным мужчиной.

– Слишком поздно.

Она меня тянула к полу. Я оказался лежащим на ней в одежде. Сбросил с себя одежду одну за другой и подумал с грустью о мешочке с презервативами, оставленном в саквояже. Потом я прижался к ее телу. Я хотел что-то сказать.

– Защитительная речь потом, – сказала она и своим поцелуем заставила меня замолчать.

Ее мускулистое, гладкое тело было послушно моим движениям, руками я ощупывал ее бедра, которые она сжимала, согласно древнему инстинкту женщин, которые сжимают их, чтобы лучше открыть потом, я оказался в тисках ее ног, которые она сжимала вокруг моих бедер. Я начал проникать в нее потихоньку – она была узенькой, тонкой, у меня было впечатление, что я прокладываю тоннель в бархате. Она и испытывала, и втягивала меня. Я был уверен, что у нее единственное желание – добиться того, что она хотела. Этот затребованный,

спровоцированный и исполненный акт должен был завершить то, что она одна лишь знала. Вскоре я взорвался внутри ее.

Она держала мое тело в своем, искала мои губы и в полной тишине испытала оргазм. Потихоньку я освободился. На четырех лапах я еще раз стукнулся, она терлась об меня, ее влажное тело опять отдавалось мне. Я схватил ее за бедра, мускулистое тело ее трепетало под моим весом, и я овладел ею, взобравшись на нее верхом. Она рухнула подо мной и еще раз испытала оргазм.

С редким дыханием, но чистым голосом она заявила:

– Нас сейчас будут искать.

Она встала, наступила мне ногой на руку и включила свет. Два бра по обе стороны от зеркала излучали неяркий свет. Она одевалась. Я тоже, как вор. Джинсовые брюки и куртка – недолго набросить, но смокинг...

Она поправила свою юбку с кринолином.

– Король Дагобер мог бы дать нам совет, – сказала она. – Валерия рассказала мне историю о славном короле Дагобере.

Я боролся с моей рубашкой, пуговицы на которой бунтовали.

Дженнифер позвала меня, сдерживая смех:

– Помогите мне. Я не знаю, как я сняла мой... мой... мой (она держалась за бюст какого-то видного деятеля, установленный на постаменте)... корсет.

С шеей, стянутой воротником, который я все-таки приладил, я подошел к ней, чтобы застегнуть верх ее одежды.

– Тут шнурки, – бормотала она. – Я как ботинок какой-нибудь, сжимайте, сжимайте...

Наконец, одевшись, мы осмотрели друг друга.

– Запонка от манжетки на полу, – сказала она.

Я поднял ее.

– Подождите, я сделаю.

Пока возилась с запонкой от манжетки, она продолжала подводить итог моей жизни:

– Вы не женаты, это уже хорошо.

– Чем?

– Экономите время...

Она поправляла парик в мутном зеркале.

– Кто вам это сказал?

Я боролся с узлом галстука. Пряжка перевернута.

– Я помогу.

Она меня задушила.

– Гарри сказал, что вы разведенный...

– Дженнифер... Я должен признаться вам... Гарри... Отпустите этот узел!

– Вот так! Мне удалось! Давайте проверим. Хорошо! Думаю, мы можем вернуться к гостям.

– Дженнифер, должен вам признаться...

– ...что у Гарри была гениальная мысль?

– Сопровождать вас в Лонг-Айленд.

– За пятьдесят тысяч долларов в качестве вознаграждения, не так ли?

Я почувствовал небывалое облегчение.

– Вы знали это?

– Ну да. С тех пор, как я не соблюдаю никаких правил корректности и благовоспитанности, я читаю письма, не мне адресованные, и слушаю беседы предполагаемо секретные. Я знала, что вам заплатят за то, что вы будете присматривать за мной.

Я взял ее за плечи.

– Тогда расскажите мне по-хорошему. Зачем все это?

– Тут много причин.

Она повернула другой выключатель.

– Вот так, немного света есть. Посмотрите, пожалуйста. Да. Все как надо? Ничего не вылезает?

Пальцами ноги она передвинула мой пояс.

– Вы так оставляете?

Я подобрал.

– Дженнифер, что с вами происходит?

– Ад, – ответила она – Все они чувствуют себя виноватыми по отношению ко мне. Не стесняйтесь, соглашайтесь взять деньги... Не отказывайтесь ни от чего. Потом мы уедем и вместе все истратим.

– Дженнифер, не стройте планов на мой счет.

– Вы меня не любите?

– Дженнифер... У меня своя жизнь, профессия, страна. Скажите мне только одно. Чего они боятся?

– Меня. Меня... и того, что мне грозит.

Чтобы избежать других вопросов, она вышла на галерею. Я пошел за ней в бальный зал. Молодой человек, бледный и элегантный, который, по-видимому, поджидал ее, поклонился ей и пригласил танцевать. Она обернулась ко мне только для того, чтобы попрощаться.

Гарри издали меня увидел и кинулся ко мне:

– Я повсюду вас искал.

– Дженнифер показала мне портреты предков.

– Ну как, – нетерпеливо спросил он, – получается? Она согласилась с вами?

Я взял его за обшлаг пиджака:

– Дорогой коллега, вы возвели целую историю... Вы вовлекли ее в процесс.

Гарри, недовольный, отдалился.

– Она вам сказала... Ну и как? Пожалуйста, никаких упреков. Я воспользовался случаем, чтобы показать ей, что может сделать адвокат. И нечасто можно слышать такого отчаянного человека, как вы... Смотреть, как вы в одиночку выступаете против грязных денег... это стоит того.

Я был образчиком, прототипом, был патентованным, честным человеком... Меняют ли шкуру младенцев-тюленей на кожный покров доверчивых адвокатов, если не хуже – идеалистов?

– Вы должны бы были меня предупредить.

– Не так уж и плохо: незнание. Она могла найти вас симпатичным на суде, а потом переменить мнение. Я не мог предполагать, что синдром «героя» длится долго.

– Что вы называете синдромом героя?

– Влияние, которое оказывает поборник справедливости на некоторых женщин. Отсюда – успех военных; накануне ухода на фронт – я говорю о старинных временах – они могли воспользоваться любой девушкой. Секундочку, позвольте, меня зовут. Подождите меня. Я вернусь.

Он кинулся к графу с графиней. Эта пара болтала возле дешевой статуи, изображающей амазонку с арбалетом. Гарри внимательно выслушал то, что говорил фон Гаген, затем стал делать мне жесты. Он приглашал меня подойти к ним.

Я приблизился. Мадам фон Гаген обратилась ко мне с щебечущей речью:

– Дорогой мэтр, мы любим представителей закона. Вы еще такой молодой и симпатичный. Мы не имели счастья получить сына, поэтому разглядываем молодых людей вроде вас с некоторой нежностью.

– Вы очень любезны, мадам.

Одна взяла меня в любовники, другая хотела бы принять за сына, мне действовало на нервы такое изобилие нежностей.

Граф прищурил глаза.

– Моя жена хочет сказать, что она была бы очень рада иметь сына. Не обязательно адвоката, а просто сына.

Он засмеялся, издав некое ржание:

– Кажется, завтра или послезавтра вы возвращаетесь в Париж.

– Действительно.

– Наша дочь Дженнифер тоже туда едет.

Он подыскивал какую-нибудь остроту:

– Все дороги ведут в Париж... – закончил он, довольный.

Выдаст ли он мне восклицание «Ах, Париж!»? Мне вдруг вспомнилось, что его первая жена была француженкой и что она ему дорого обошлась. Вмешалась графиня:

– Позвольте нам пригласить вас на эту ночь. Одна из наших лучших комнат свободна, друзья, которые должны были ее занять, вынуждены уехать. Для нас было бы большим удовольствием, если бы вы остались. Завтра утром мы могли бы позавтракать вместе...

Гарри сделал мне еле заметный сигнал «остаться».

– Я снял комнату в деревенской гостинице.

– Это уже деталь, – сказал граф, – мы хорошо знаем хозяйку... Она на вас не обидится.

– Я уже оплатил комнату.

– Тем лучше, – добавил граф. – Может быть, она сможет ее еще сдать, даже поздно. Я позову ее. У нас для друзей приготовлены пижамы, бритвы...

– Мой саквояж остался в машине.

«Саквояж» – прозвучало вульгарно. Но я не мог все же сказать, что мой багаж, такой ценный, валяется рядом с запасным колесом...

Я сделал вид, что задумался.

– Ваша дочь полетит каким рейсом?

– Отправление в 13 часов.

– Я тоже. Я мог бы проводить ее до аэропорта.

– Вот и чудесно, – сказала мадам фон Гаген, – Так что у вас еще одна причина провести ночь здесь.

– Если вам угодно, мадам.

Лицо графини просияло.

– Спасибо, мистер Уолстер.

Временами быстрым жестом она касалась руки фон Гагена, чтобы убедиться, что муж был рядом с ней. Граф в свою очередь заявил:

– Мы позовем мадам Хоффнер, чтобы предупредить ее, что вы остаетесь здесь...

– Кто это, мадам Хоффнер?

– Хозяйка постоялого двора.

Они располагали мною и моими перемещениями. Они привыкли, что их выслушивают, а то и подчиняются им. Я предчувствовал возможные преимущества и беспокойства, какие эта семья могла мне причинить. Мои красные фонарики мигали, но все это возбуждало.

Гарри прервали посередине его фразы другие гости, которые толпились вокруг фон Гагенов, и он вернулся ко мне.

– Bravo. Вы их покорили, Грегори. В вашу парижскую квартиру вы привезете несколько безделушек от фон Гагенов... но даже маленькие элегантны.

Гарри преувеличивал, а я опять дышал с трудом; это началось так же, как с Сантосом. Бразилец обратился в нашу парижскую контору и попросил выделить ему молодого сотруд-

ника, который полностью занялся бы его папками. Сантос выбрал меня. Среди французов мало кто владел тремя языками. Вначале я был в восторге, был польщен. Позже я понял, какой ценой: я был пешкой в их игре.

Дженнифер вынырнула из толпы и подошла ко мне. Было поздно, улыбки на лицах застыли, некоторые женщины были утомлены из-за высоких каблуков...

– Кажется, вы проведете ночь здесь...

– Ваши родители имели любезность пригласить меня...

Не знаю, был ли угодлив или правилен мой тон.

Она обернулась к Гарри:

– Я могу похитить его у вас? Хотела бы показать ему его комнату.

Гарри радовался нашему согласию.

– Идите, детки...

На втором этаже мы пошли по длинному, широкому коридору. Дженнифер взяла из вечерней сумочки крохотный серебряный инструмент и дунула в него. При этом объяснила мне:

– Это всего лишь ответ. Меня разыскивает Мари-Софи.

– Как вы об этом узнали?

Она показала мне маленькую черную коробочку.

– Вот с этим мы всегда друг друга находим. Это как бип.

В глубине галереи появилась Мари-Софи. Слегка приподняв кринолин, она покрыла расстояние легким шагом. На ней уже не было парика, светло-блондинистые волосы были зачесаны назад и заплетены в большую толстую косу. Сверкающе красивая, она была способна вызвать безумную страсть. Сделав мне небольшой кивок, обратилась к сестре. Очарованный, смотрел я на косу, этот естественный канат волос; мне хотелось потрогать ее рукой.

Она взглянула на меня, зная, какой эффект производят ее волосы.

– Дженни, миленькая... – Она обращалась к сестре с таким напряжением, что воздух пылал. – Дженни, одолжи мне твою машину, только на несколько часов...

Дженни сделала два шага назад.

– О нет. Исключено. Папа запретил. *Nein, nem, nada, niet!*

Мари-Софи настаивала:

– Беби, *please*, забудь. Мы знаем их *ide e fixe*. Пожалуйста, между нами не надо устраивать кино. Они с ума посходили, все запрещают. Мне хочется только удивить Фредерика. Ты знаешь, какой он сноб, сколько в нем апломба... Прокатиться в твоей машине – это его ошеломит... Пожалуйста, не откажи.

Дженни сопротивлялась.

– Нет, нет и нет. Я поклялась своей головой, что ты никогда не сядешь одна в эту машину. Хуже всего то, что я поклялась и твоей головой тоже.

– Ну, миленькая, кисочка, – продолжала Мари-Софи, – я все это знаю наизусть.

Я любовался ею, она вела настоящую осаду.

– ...Я хочу поразить Фредерика. Он относится ко мне, как к девчонке, и надоел мне своим покровительственным тоном. Кстати, Мигель пообещал мне...

– Что он тебе пообещал?

– Такую же машину, на будущий год.

– Не верю тебе...

Мари-Софи застеснялась.

– Ну, скажем, через два года.

– Мама не согласится.

Мари-Софи пожала плечами:

– А это не от нее зависит, Мигель делает то, что я пожелаю.

Я их слушал. Почему так настаивать на владении машиной?

– Я взял на прокат «мерседес», возьмите, если хотите...

Мари-Софи нервничала:

– Спасибо, вы очень милы. Но это не имеет значения. Речь не идет о какой попало машине, Пожалуйста, Дженни.

– Какова цель этих молений?

Я был в раздражении.

– Накопив деньжат, – сказала Дженни, – добавив к ним подарок моих родителей и великолепный дар Гарри, я купила «порше».

– «Порше»?

– Да, – отвечала Дженнифер, – это может показаться капризом, но это не каприз. Была причина. Мне было так плохо из-за них, хоть ложись да помирай... что они согласились, чтобы меня утешить.

– Пожалуйста, – умоляла Мари-Софи, – По сравнению с твоим «порше» моя машина – самокат. Я хочу удивить Фредерика и его друзей. Они считают меня простушкой, этой...

– А куда ты хочешь ехать? – спросила Дженнифер.

– Один товарищ Фредерика на заре устраивает праздник. В конце бала все встретимся у него.

– А машина Фредерика? – настаивала Дженни.

– Он приехал с родителями. Они полагают, что Фредерик проведет ночь здесь. Дженни, обещаю тебе, что мы вернемся вовремя, но будь добра.

Она, подражая, произнесла:

– Вруми, вруми, вруми.

Я любовался лазурного цвета глазами Мари-Софи, а когда она отворачивалась, ее светлой косой.

– Ты будешь вести машину как безумная.

– Вовсе нет, – отвечала Мари-Софи, – я как раз хочу его удивить. Не подведи меня...

Дженни на секунду сомкнула веки.

– Ты знаешь, почему теперь я не могу ни в чем тебе отказать...

Мари-Софи, протестуя, сказала:

– Нет, не то. Не то рассуждение. Не той ценой. Не мучайся. Между нами ничего не изменилось. Когда тебе плохо, мне тоже плохо. Дженни, ангел мой, *please. Bitte schon!*

– У меня есть второй ключ в моей комнате, – ответила Дженнифер. – Другой ключ положила на консоль, не знаю где... Может быть, в голубой гостиной. Поклянись, что...

– Меня не скорость интересует, а сама машина и ее престиж. И голова Фредерика.

Дженнифер взяла меня за руку.

– Она делает из меня что хочет, – сказала Дженни. – Вы – свидетель.

Мари-Софи взглянула на нас как соучастница.

– А вы хорошо понимаете друг друга, а? Это вносит изменения, Дженни, когда встречаешь кого-нибудь постороннего.

Я вмешался:

– «Постороннего»?

– Из другого мира...

Это что, комплимент?

Мы пошли за Дженнифер в ее комнату. Она взяла ключ от ящика ее туалетного столика. Она сомневалась. Мари-Софи как птичка уколола ее в ладонь.

– Спасибо, дорогая.

Она говорила то по-немецки, то по-английски, а порой по-французски. Они переходили с одного языка на другой с удивительной естественностью.

Мари-Софи поцеловала сестру.

– И за все остальное, как обычно...

– Как обычно.

– А что – остальное? – спросил я.

– Старое соучастие. Если ночью ищут одну из нас, другая обеспечивает алиби. Говорят, что я – у нее или что она – у меня.

Они рассмеялись. Мари-Софи что-то прошептала на ухо Дженнифер, я почувствовал себя лишним.

– Оставляю вас с вашими секретами. Скажите мне точно, в каком направлении моя комната, и я пойду.

– Сейчас покажу! – воскликнула Дженнифер.

Мари-Софи пошла, дважды обернулась, сделала таинственные знаки сестре. Они были соучастницы, и это делало их счастливыми. Дженнифер провела меня в большую комнату, остекленные двери которой выходили на маленькую квадратную террасу, возвышающуюся над черным парком.

– Это вам нравится?

– Конечно.

Она продолжала:

– Звоночек на столике у изголовья. Первая кнопка – вызов горничной; вторая – на кухню: сегодня ночью наши гости постоянно обслуживаются; третья кнопка – вызов ночного сторожа. А ванная – рядом.

Она колебалась:

– Пойдемте, бал еще не кончился.

Я ждал какого-нибудь знака, многозначительного взгляда, слова. Она, казалось, была далека от того, что произошло между нами.

– Дженнифер...

– Да.

– Вы не жалеете...

– Жалеть? Нет.

– Вы меня спровоцировали.

– Вы уже ищите извинений? – сказала она холодно.

Одной-единственной репликой она меня одернула! В следующий раз она увидит... Я пошлю ее в розарий... предварительно заострив шипы.

Мы вернулись в бальный зал. Дженнифер, внезапно напрягшись, сжимала челюсти. Изысканный молодой блондин с руками скрипача пригласил ее танцевать. Дженнифер пошла. Она еще раз подала мне знак: «До скорого свидания».

Было далеко за полночь, граф и графиня стояли возле буфета. Я подошел к ним.

– А вот и вы, дорогой друг, – сказал фон Гаген.

– Еще раз благодарю за ваше приглашение.

– Вы такой приятный, – машинально повторила графиня.

Муж ее склонился ко мне:

– Вы сын какого из друзей Гарри?

– Его лучшего друга...

– Ах, так! Его имя?

– Неважно, – закончила графиня, – Гарри это Гарри. Все остальное...

И, несмотря на гарантию хорошего воспитания, которое должна была обеспечить ее родовая, она облизала концы пальцев правой руки с остатками шоколадного эклера.

– Жена моя права, Гарри нам необходим, – добавил граф. – Он отличный адвокат и знает всех. Я хочу сказать – всех из нашего круга людей.

Во мне боролись противоречивые мысли: «Смотри-ка, я думал, что он защитник бездомных, безработных, голодных комедиантов, разорившихся бизнесменов».

– Кстати, для нас он гораздо больше, чем адвокат, он друг семьи. Вот, например, благодаря щедрому подарку нашего Гарри, Дженнифер смогла купить, с нашим участием, фантастическую автомашину.

Графиня прикоснулась веером к плечу мужа:

– «Фантастическую!» Вы говорите пошлости.

Граф рассмеялся.

– Милая Элизабет, фантастическая – не обязательно эротическая часть воображаемого.

– Зло повсюду, – заключила графиня. – И в замке может поселиться зло.

Я посмотрел с интересом на нее, в душе этой женщины было что-то болезненное, как незажившие раны.

– Вы давно знаете Гарри?

Граф с удовольствием рассказывал:

– Он вошел в нашу жизнь незадолго до рождения Дженнифер. Я бы хотел, чтобы он стал крестным отцом моей дочери, но в ту пору он был против такого родства, как он считал, «полурелигиозного, полусветского». Гарри ближе к денежным делам, чем к родственным чувствам. Но хотя он много ездит, он всегда приезжает, когда в нем нуждаются. Он часто бывает в Лас-Вегасе. И даже нас туда приглашал.

Графиня вмешалась в разговор:

– Мы отказались от этой поездки. Лас-Вегас – прихожая в ад. Число честных, не очень богатых людей, которые там оставляют свои средства, ужасает! Порой они кончают жизнь самоубийством.

После этого она удалилась, поскольку ее увлекла дама, преисполненная любезности. Граф перешел на доверительный тон:

– Гарри очень ловок, он из тех адвокатов, которые все могут. Он все знает, внимателен ко всему. Он знает законы всех стран. И к тому же психолог. Мой развод – это была ловкость рук, он мастерски провел дело. Моя первая жена живет в Соединенных Штатах, в Лонг-Айленде. Несмотря на богатство, которое она от меня получила, наши отношения остались натянутыми. Вы мне симпатичны, мистер Уолстер. Гарри, возможно, прибегнет как-нибудь к вашим услугам по моим делам.

– Я участвую в одном парижском бюро.

– Да пусть хоть все бюро.

У меня было неприятное впечатление, что он смеется надо мной.

Он продолжал:

– Несмотря на внутрисемейные проблемы, мы пытаемся доставлять друг другу удовольствие. Дочь моя останавливается в Париже у моей бывшей невестки, а послезавтра поедет дальше, в Лонг-Айленд.

Мне не хватало важного элемента в моей профессии: лгать в интересах моего клиента. Лгать искусно, владея радужной оболочкой, зрачком, тенью, которая проходит по сетчатой оболочке глаза и отражается во взгляде...

– Какое совпадение, США, Я тоже должен скоро туда поехать по делам.

В любом случае он рано или поздно узнает о моей поездке с Дженни в том же самолете. Он, казалось, доволен этой новостью.

– Если бы даты совпадали, вы могли бы составить компанию моей дочери.

– Случай все может.

Вновь появилась Дженнифер в сопровождении своего кавалера, который после торжественного поцелуя руки покинул ее. Вернулась и графиня.

– Спасибо за этот прекрасный вечер, папа и мама, – сказала механическим тоном Дженнифер. – Если вы не возражаете, я пойду спать.

– Ну конечно, *Schätzchen* — сказал граф.

Дженни повернулась ко мне:

– Могу проводить вас до вашей комнаты... иначе вы рискуете потеряться в лабиринте этого дома.

– Ты уже отнимаешь у нас нашего друга? – слегка запротестовал граф.

Я ждал, когда решится моя светская судьба.

– Как хотите...

Граф заявил:

– Утренний завтрак у нас бывает между восемью и девятью часами. Этот ритуал неизменен. Только для гостей делается исключение. Если не хотите принять участие в беседе, вам подадут в вашей комнате.

Я поклонился графине, глаза мои опять задержались на ее кольцах. Из осторожности сделал такое же движение перед Валерией, которая присоединилась к нашей группе. Потом, следуя за Дженнифер, я удалился. Именно в этот момент появился Гарри

– Все в порядке, дорогие мои?

– Все очень хорошо, – ответила Дженнифер.

Она указала жестом на меня.

– Я покажу ему его комнату.

Она применила слово «ему», мне это не понравилось. Я вмешался, раздосадованный:

– Эта прекрасная особа вызвалась гидом...

– Вы завоевали симпатию семейства фон Гаген, – прокомментировал Гарри.

– Не заставлю вас стыдиться, господин Болтон.

Он не знал, шучу я или нет.

– Когда увидимся?

– За утренним завтраком.

* * *

Моя комната оказалась такой роскошной, что постепенно мое возмущение по поводу денег прошло. Все было нежно, мягко, в свете ламп с абажурами абрикосового цвета. Гармонию дополняла уютная кровать.

В ванной я заперся в душевой кабине, где отдался сильным струям воды. Я думал. Дженнифер была и соблазнительна, и опасна. Случай в маленькой гостиной смущал и беспокоил меня. Я должен был возразить... Но с какого момента мужчина оказывается трусливым или немощным, хотя хотел бы быть только честным, если не сказать осторожным?

Успокоенный великолепным душем, завернутый в пушистый халат, я прогуливался по комнате. Да, я провожу Дженнифер в аэропорт. Да, в Париже я провожу ее к тетушке. Да, утром я представлюсь моему патрону. Если он выгонит меня, я буду отчаянно свободным человеком. Если мне удастся добиться компромисса, я буду в подвешенном состоянии. Потом – Нью-Йорк и Лонг-Айленд. Быть может, я мог влезть в мощную семью фон Гагенов... Когда есть две дочери, подыскивают возможных выгодных зятьев... Некоторые влезают в такую среду, акклиматизируются, привыкают и вживаются. И даже со временем становятся главой племени.

Я лег. От простыней исходил легкий запах лаванды. Я ждал, знал, что Дженнифер придет. Я подготовил для нее речь об осторожности и контроле за собой; я прогоню ее с возмущениями.

Через некоторое время в дверях появилась Дженни.

– Грегори?

- Да...
- Не спите?
- Нет.
- Можно войти?
- Вам нужно разрешение?
- Да... Зажгите свет.
- Нет.

Она заперла дверь на ключ. Я встал и приготовился с ней говорить. Я мог сказать много хорошего о человеческом существе, о духе, о сознании, о самоотречении, а особенно – о способности сдерживать свои сексуальные позывы, что и отличают его от животного.

– Дженнифер, ваше поведение...

Она прижалась ко мне.

– Дженнифер... я обязан вам напомнить...

Ее губы уже были на моих.

– Дженнифер, меня пригласили ваши родители.

Ее губы на моей шее.

– Дженни...

Она сняла свой халатик и осталась голой.

– Вы хотите что-то мне сказать? – спросила она.

Я целовал ей щеки, губы, подбородок, шею, груди, спустился к пупку, встал на колени перед ней, прижал ее к моему лицу. Я обожал ее мускулистое тело, атласную кожу с ее запахом и деталями тела... Я перевернул ее на ковре, она издала слабый звук, как от боли, когда я прижал ее к полу. Я боялся причинить ей боль, подтягивал ее к себе.

Она садилась верхом на меня, я брал руками ее грудь, она растягивалась на мне, чтобы я мог достать ртом ее соски. Она почти теряла сознание, таким острым было ее наслаждение. Потом я отнес ее на кровать. Какое наслаждение – утонуть в матрасе! Я искал ее, приручал ее нетерпеливость, вытягивался на ней, проникал в нее, принуждал к неподвижности. Она страдала от ожидания, потом, вцепившись друг в друга, мы переворачивались. Я впивался в нее. Силы наши иссякли, и, лежа бок к боку, мы отдыхали в тишине. Я готов был уснуть, когда она, облокотившись на меня, сказала:

– Мы не останемся в Лонг-Айленде. Я что-нибудь придумаю для мамы, тогда и поедем. Вы и я...

– Я не плейбой и не собачка, а служащий в парижской конторе. Отмечаю свой приход на работу...

– Что это значит?

– Что я юридический служащий. Я могу взять несколько дней без оплаты, но если после этого я не выйду на работу, увольнение мне обеспечено. У меня впереди нет отпуска, подружка. У меня своя жизнь, зависимая, но она есть, если удовлетворяю своего работодателя.

Эти материальные вопросы ее совсем не интересовали.

– Хотите покинуть меня...

– Вы не можете перевернуть вверх дном мою жизнь.

– Я ее переворачиваю, – сказала она, обхватывая мою кожу губами и языком.

От нее исходила бесконечная чувственность.

– У вас такой аппетит, Дженни...

– Потому что это вы.

Она лгала, но какое наслаждение поддаваться такой бесстыжей лести... Хотелось бы мне когда-нибудь узнать ее причину. А пока надо ею воспользоваться. Ненасытные, мы катались в простынях, взмокших от пота. Одна подушка упала с кровати, Дженни наклонилась и стала искать ее на ощупь. Я ее ухватил, стал ее брать, она мне помогала. Мы соскользнули на пол.

Это уже не был акт любви, а совокупление. До полусмерти. Потом мы вернулись на кровать с перепутанными ногами, с надеждой заснуть. От ее веса правая рука моя стала болеть. Я слегка пошевелил ею. Тотчас:

– Вы уходите?

– Нет, Дженни.

Я оставил руку в заложниках. Наследница испытывала мои сухожилия. В тридцать три года у меня накопился немалый опыт в женских делах. Опыт научил меня отличать все лучше и лучше притворное и подлинное поведение, настоящий и мнимый оргазм. По всей вероятности, Дженнифер не притворялась. Если так будет продолжаться, наша поездка превратится в серию безумных совокуплений, в сексуальное неистовство... Я погрузился в глубокий сон. Какие-то крики проникли в мое подсознание. Я очнулся, попытался понять, где я. Ощупал кровать, рука моя коснулась голого тела Дженни. Я сел и прислушался. Дженни проснулась.

– Кто-то кричит. Что случилось? – спросила она.

Торопливые шаги, хлопающие двери, крики.

Дженни взяла свой халатик.

– Побегу в мою комнату, чтобы одеться. Встретимся в коридоре.

Она вышла из комнаты.

Я успел застегнуть мою рубашку, вытащенную из саквояжа, и ширинку джинсов. Замок наполнился разными шумами. Подъезжающие машины, скрип колес на гравии, крики женщины... Голос ее прокатывался: величественные лестницы, стены без конца, украшенные потолки – все это повторяло звуки и эхо, вызывавшие галлюцинации.

Один призыв присоединялся к крикам.

– Мари-Софи... Мари-Софи...

Я кинулся в коридор. Дженни выкатилась из своей комнаты. Мы понеслись по ступеням. В холле группа мужчин – много их было или только трое? – разговаривали с графом, он был в халате. Лицо фон Гагена было мокрым от слез. Он облокотился об одного слугу, а тот поддерживал его, а сам плакал.

Валерия стояла возле них с суровым видом. Она произносила непонятные слова. Дженнифер подходила к разным людям, цеплялась за них:

– Что происходит? Ну скажите же...

– ...Мари-Софи... Мари-Софи...

– Что? – крикнула Дженнифер.

– Мертва...

А один из мужчин из странной группы произнес:

– Несчастный случай. Машина...

Жена графа рыдала в объятиях служанки. Валерия скандировала все громче и громче:

– Мари-Софи... Мари-Софи...

Дженнифер перебегала от одних к другим. Встряхивала их:

– Что случилось? Говорите...

Фон Гаген отошел от слуги и открыл объятия дочери. Жест был нежным, а фраза жуткая:

– Ты одолжила ей эту проклятую машину...

Дженнифер, заикаясь, спросила:

– Моя машина?.. Ты говоришь о моей машине? Несчастный случай...

– С твоей машиной. Но почему?

Дженни покачала головой и подняла руку, словно хотела защитить лицо.

– Ты говоришь, что несчастный случай...

– Она умерла в твоей машине...

Дженни застыла неподвижно с открытым ртом. Она готова была умереть на месте, жизнь покидала ее. Я не осмеливался подойти, любой нежный жест с моей стороны был бы неприличен.

Гарри пришел в старом шелковом халате, в домашних тапочках. Он подошел к графу и к Дженнифер:

– Я слышал... говорят... машина?..

Потом он заплакал.

– Милые мои, очень, очень дорогие, ужасная весть... Этот «порше». Никогда себе не прощу.

Он продолжал, рыдая:

– Я в вашем распоряжении, друзья дорогие. Все, что я могу сделать, чтобы вас пощадить, я сделаю...

– Гарри, – сказал граф, весь превратившись в скрюченного от горя страдальца, – вы знаете нашу жизнь, наше горе, вы с нами в этот трагический день...

Он плакал.

– Я знаю, что вы нас не покинете.

Гарри обернулся к тем, кто сообщил об этой трагедии:

– Когда это случилось, господа? И кто вы?

Один из них взял слово:

– Примерно полтора часа назад их нашли. Мы представляем коммунальную службу, никто не решался один прийти и сообщить эту новость.

Гарри пожимал руки.

– Меня зовут Гарри Болтон, я адвокат этой семьи... и я к вашим услугам. Я берусь выполнить формальности. Надо избавить от них семью.

Один из мужчин прошептал:

– Надо провести опознание тел в больнице...

И он назвал ближайший город.

– Машина подвела, – сказал один из членов делегации, – Однако «порше»...

Гарри поднял голову.

– Как, машина «порше» подвела?..

– По-видимому, управление машиной было испорчено. Машину подвергнут экспертизе.

С отсутствующим взглядом Дженнифер сказала:

– Она так настаивала.

Выдвинулась вперед Валерия и схватила ее за руку:

– Ты никогда не должна была делать этого... Никогда...

Дженнифер вышла и обернулась к делегации от мэрии:

– А молодой человек, который был с ней... Фредерик...

– Несколько травм. У вашей сестры вся грудная клетка проломлена: руль. И без ремня...

Валерия отвесила Дженнифер пощечину с размаху:

– Гнусная девчонка, безголовая!

Я хотел вмешаться:

– Не делайте этого...

– А вы, – сказала Валерия, – вы не имеете отношения к этой семье. Вы меньше чем никто.

Дженнифер с пылающей щекой смотрела на нее уничтожающим взглядом.

– Грегори – мой друг. А тебя, сволочь, я как-нибудь вытащу из постели моего отца.

– Твоего отца? – крикнула Валерия.

Гарри перебил ее:

– Замолчите вы, или...

– ...или что, ну? – спросила Валерия. – Вы еще полагаете...

Гарри отвел ее в сторону и что-то сказал. Она умолкла.

* * *

На рассвете нам подали на кухне кофе. Это было колоссально. Огромный стол занимал середину комнаты. Начинаясь долгий день, встречи следовали одна за другой.

Больше всего мне хотелось бежать из этого дома, но покинуть Дженнифер в таком несчастье было бы крайним неприличием. Я позвонил в контору в Париже, секретарь начальника выслушала мои объяснения. Да, она передаст их. Я обменял билет и время вылета и предоставил себя в распоряжение тех, кто во мне будет нуждаться. Членов семьи и служащих опросили одного за другим. Присутствовал мэр деревни, а также региональные представители фирмы «порше». Машина уже подверглась первому осмотру. По их осторожным намекам мы поняли, что, по-видимому, имел место акт саботажа. Одна из лучших в мире машин была сознательно испорчена знатоком.

Дженнифер также подверглась допросу. По ее просьбе я оставался возле нее.

– Мой друг, – говорила она тем, кто спрашивал.

Вопросы были деликатными, но точными. Помощник мэра выступил несколько раз.

– Мадемуазель фон Гаген, ваша сестра была слишком молода, чтобы...

Дженни прервала его:

– Она получила права на вождение полгода тому назад. Я хотела доставить ей удовольствие. Обычно она была благоразумна... когда была за рулем своей машины...

– Ваша машина уже была перепроверена?

– Проверка на тысячу километров.

– Сколько времени тому назад?

– Дней десять. Я очень любила мою машину. Каждый раз, когда можно было, я ездила в ней. Никогда себе не прощу, что одолжила ее.

Все эти мужчины, официальные лица или любопытные из деревни, пришедшие под тем или иным предлогом, шептались друг другу, выбирая при этом самые безобидные выражения, чтобы выразить предположения: «Ведение машины было нарушено...», «Гайки ослаблены».

Дженнифер стояла бледная.

– Меня хотели...

– Мадемуазель фон Гаген, если подтвердится факт вредительства, это будет доказывать, что оно было направлено против вас.

Она была подавлена этой встречей.

Я всюду ее сопровождал. В голубом салоне, где через остекленную дверь, казалось, пейзаж приближался, она мне сказала:

– Грегори... погибнуть должна была я, а не Мари-Софи...

Что ответить?

– Пожалуйста, не оставляйте меня, – добавила она.

* * *

Дженнифер поднялась в свою комнату отдохнуть. В салонах было много посетителей, пришедших, чтобы оплакать вместе с семьей, слуги болтались без дела. Я узнал, что Гарри потребовал, чтобы семейный врач сделал ему укол успокоительного, и теперь спал. Во время моих блужданий по лестницам и коридорам я несколько раз встречал Валерию. Случайно ли? У меня было впечатление, что, вся в слезах, со сжатыми от гнева зубами, она не упускала случая, чтобы не присвоить себе территории и зоны, которые до несчастья ей были запрещены. Мадам фон Гаген рыдала, Валерия захватывала рычаги управления. Она следила за всем и

за всеми, она диктовала кухарке меню. Я поднимался по лестнице, она спускалась. Я шел по коридору, она двигалась навстречу. Я заходил в пустой салон и заставлял ее, облокотившуюся на рояль, разглядывавшую портрет Мари-Софи. Каждый раз я приветствовал ее, она шептала с одним и тем же горестным выражением: «Какое несчастье!» Почему взгляд ее глаз меня тревожил? Почему у меня сложилось неприятное впечатление, что она знала обо мне нечто, мне неизвестное? Я искал в моих воспоминаниях, рылся во всех уголках моей памяти. При каких обстоятельствах наши жизненные пути могли столкнуться?

После третьей встречи я сказал ей:

– Задам абсурдный вопрос: мы с вами уже виделись?

– Быть может, в прошлой жизни, если вы верите в перевоплощение...

Я чувствовал себя неловким и в чем-то виноватым. Эта женщина вызывала и чувство беспокойства, и влечение. Мне хотелось поговорить с ней, я настаивал на этом.

– Мадам Фонтэн, я уверен, что мы уже встречались...

– Вы ошибаетесь, мистер Уолстер... Я много бродила по свету, но не обязательно в ваших краях. Я покинула Париж в семнадцать лет, затем жила в Германии и, наконец, у фон Гагенов.

– В Австрии никогда не жили?

– Одна из лучших школ ухода за малолетними детьми находится в Вене... Я была ее ученицей. Хотела вам сказать, что Гарри вас ищет... Вы можете позвать его отсюда.

Телефон был рядом со мной, на столике. Я взял трубку.

– Гарри?

– О, Григори, – сказал адвокат на одном дыхании, – я заболел. Хотел бы, чтобы вы заняли мое место, если им понадобится юридический совет. Я выбываю на несколько дней из игры.

– Я их не знаю, Гарри.

– Надо и мне помочь и воспользоваться случаем приучить их к вам. Не покидайте нас, Григори, похороны состоятся завтра во второй половине дня. А сегодня вечером, – продолжал он, – привезут тело Мари-Софи. Если я окажусь один перед этой семьей, обезумевшей от горя...

Как тут уйти? Дезертировать перед горем других?

– Я могу остаться на сутки больше... это – крайний срок.

– Спасибо, спасибо. В случае надобности вызову для переговоров вашего шефа в Париже. Пожалуйста, приходите. Моя комната – в конце коридора на втором этаже.

Идя к нему, я подавлял свое раздражение. Вызывать моего шефа... За кого он себя принимает? Бур-рель – не дозорный группы людей, летающих на самолете, а хороший юрист. И нам не нужен посредник для обсуждения.

* * *

В комнате был затхлый воздух и пахло лекарствами. Даже неприятный привкус камфары. Однако мысль о том, что вновь увижу Гарри, успокаивала. Халат лежал на кресле, домашние туфли брошены как попало, салфетка на полу и папки, разбросанные по всему бюро. Этот беспорядок придавал ему человеческий вид.

– Дорогой Григори. Какая трагедия! Для вас тоже все это, должно быть, очень трудно.

– Я пытаюсь быть полезным.

– И вы полезны! Еще как...

Он не закончил комплимент.

С взъерошенными волосами, он лежал на кровати, едва приходя в себя после укола успокоительного лекарства.

– Какая трагедия! Я должен прийти в себя. Если бы вы знали... нежность, она была воплощением нежности. Этот автомобиль...

Он сел в кровати, стал искать платок, потом вытер лицо углом простыни.

– Я виноват. Если бы я не помог Дженнифер купить эту чертову машину, Мари-Софи была бы жива.

– Гарри, в этом случае нельзя даже дать кому-нибудь билет на самолет. Если произойдет крушение, вы будете обвинять себя...

Гарри продолжал:

– Я должен был опасаться. Дженнифер хотела иметь свой «порше». Она ездит в машине на большой скорости... в голове у нее тоже тормоза. Она знает пределы возможности. Никогда я не мог предвидеть, что она одолжит машину сестре. Кстати, она пообещала.

Я тоже хотел снять с него обязательства по отношению ко мне:

– Я полагаю, что мать Дженни сама отвезет дочь в Лонг-Айленд. Вам не понадобится моя помощь. Я еще ничего не сообщил в свою парижскую контору.

Гарри облокотился на подушку.

– О нет! Вы мне нужны больше, чем когда-либо. Мать не приедет.

– Она не будет присутствовать на похоронах дочери?

– Нет. Я позвонил ей, она стала орать как раненый зверь. К счастью, ее сосед – врач, он ей дал успокоительного. Она там плачет... Не сможет стерпеть, чтобы наслаждались ее горем. Фон Гагены – ее злейшие враги.

– Но речь идет о смерти их дочери!

– Мадам бывшая фон Гаген должна будет поехать одна, ее друг Мигель Альварес сам так страдает, что невозможно предугадать его реакцию... Они будут оба залечивать там свои раны. Это может их объединить или вызвать взрыв в союзе этой пары.

– Я не понимаю.

Гарри терял терпение.

– Вот уже десять лет Альварес живет с бывшей мадам фон Гаген. Он знал Мари-Софи еще ребенком. Он обожал ее, она росла у него на глазах. Поездки Мари-Софи к своей матери превращались в праздники. Со смертью дочери она, возможно, потеряет и своего компаньона. Во всяком случае, она требует вашего присутствия. Она приедет потом инкогнито на могилу своей дочери. Чтобы быть уверенной в сотрудничестве с вами, она вышлет деньги вам в Париж. Вы найдете по прибытии в Париж сорок пять тысяч долларов на вашем счете.

Я почувствовал себя необычайно важным. Впервые в жизни нуждались во мне. Тем лучше.

– А парижская тетушка?

– Я и ей позвонил. Она смирилась. Она солидарна с сестрой и не сделает ничего, что могло бы ей не понравиться. Атмосфера у нее будет тяжелой... Перед нами целая серия трудностей. Не следует забывать, что смерть сестры ставит Дженнифер в положение и привилегированное, и опасное. Отныне она единственная наследница всего богатства фон Гагенов.

– Это трагично, но с юридической точки зрения нормально, не так ли?

Он покачал головой.

– Здесь ничего нормального нет. Речь идет не о мещанах, чье богатство известно с точностью до сантима. Есть разветвления, требования, разные интриги, секреты.

Я наклонился к нему:

– Повреждение автомобиля...

Гарри нервно ответил:

– Брак производства...

– На «порше»?

– Вы правы, – сказал он мрачно, – такого не бывает. Фон Гаген хочет поддержать идею несчастного случая и замаять разговор о браке. Он потребует прекратить расследование, он

опасается газетчиков. Никакой скандал или подозрение не воскресит Мари-Софи. В последний момент я воспрепятствовал по телефону вскрытию.

Он встал с кровати. В своей некрасивой пижаме он ходил взад и вперед по выцветшему ковру.

– У меня все же есть еще ресурсы, – сказал он. – К счастью. Гнев придает мне силы, несчастье добавляет кислорода. Назовите, пожалуйста, ваш банк...

Вырвав из записной книжки листок, я написал на нем номер моего счета и адрес банка.

Гарри аккуратно убрал бумажку, после чего сел в кресло возле меня.

– Дам совет. Постарайтесь завоевать симпатию Валерии.

– Мы обменялись только несколькими словами.

– Она очень сердечна, симпатична, энергична.

Я пожал плечами.

– Все это меня не касается. Я, наверное, никогда ее больше не увижу.

– Кто знает? – сказал он скорбно. – Если вы согласитесь работать со мной, вы обязательно окажетесь втянутым в этот семейный лабиринт... Валерия ждет своего часа. Если, к несчастью, вторая супруга, Элизабет, исчезнет – а мы все смертны, – граф женится на ней. По истечении стольких лет, сменив двух жен с родословной, среда, в которой он живет, согласится и на неравный брак.

– Гарри, сейчас 1992 год...

Он возвел руки вверх:

– Что вы хотите, я уважаю всякие верования, на них я зарабатываю немало денег. Если бы они ходили с костью, привязанной к носу, я бы нашел, что это им идет... Надо приспособливаться к клиентам. Когда доживете до моего возраста, увидите, что нет абсурдных причин, платят за все клиенты. Француженка была беспокойная...

– Какая француженка?

– Первая его жена. Такая агрессивная, с такими требованиями...

– Агрессивная?

– У нее были все недостатки женщины, считающей себя неотразимой. Она была очень красива, но некультурная. В этом обществе надо иметь какой-то минимум знаний. А это нелегко – получить код консервативного общества...

Фатальным стал тот факт, что после разрыва их союза фон Гаген утешается с одной из своих соотечественниц: родилась она в хорошей семье, отличная хозяйка дома, не пропускает ни одной мессы. Мари-Софи сопровождала их в церковь, Дженнифер фыркала.

– В церковь? Это было частью...

Гарри процедил сквозь зубы:

– Это всегда составляет часть ритуала. В замке есть капелла, не посещать ее, когда вы приглашены, равносильно провокации...

Мне надоели их драмы.

– Ну что, Гарри, если поездка решена, надо поспешить заказать место в рейсе Париж – Нью-Йорк, туда и обратно?

– Я сейчас отдам необходимые распоряжения и займусь переводом денег. Ваш билет будет вас ждать в конторе воздушной компании. Все это мне очень скоро подтвердят.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.